

www.taday.ru >>

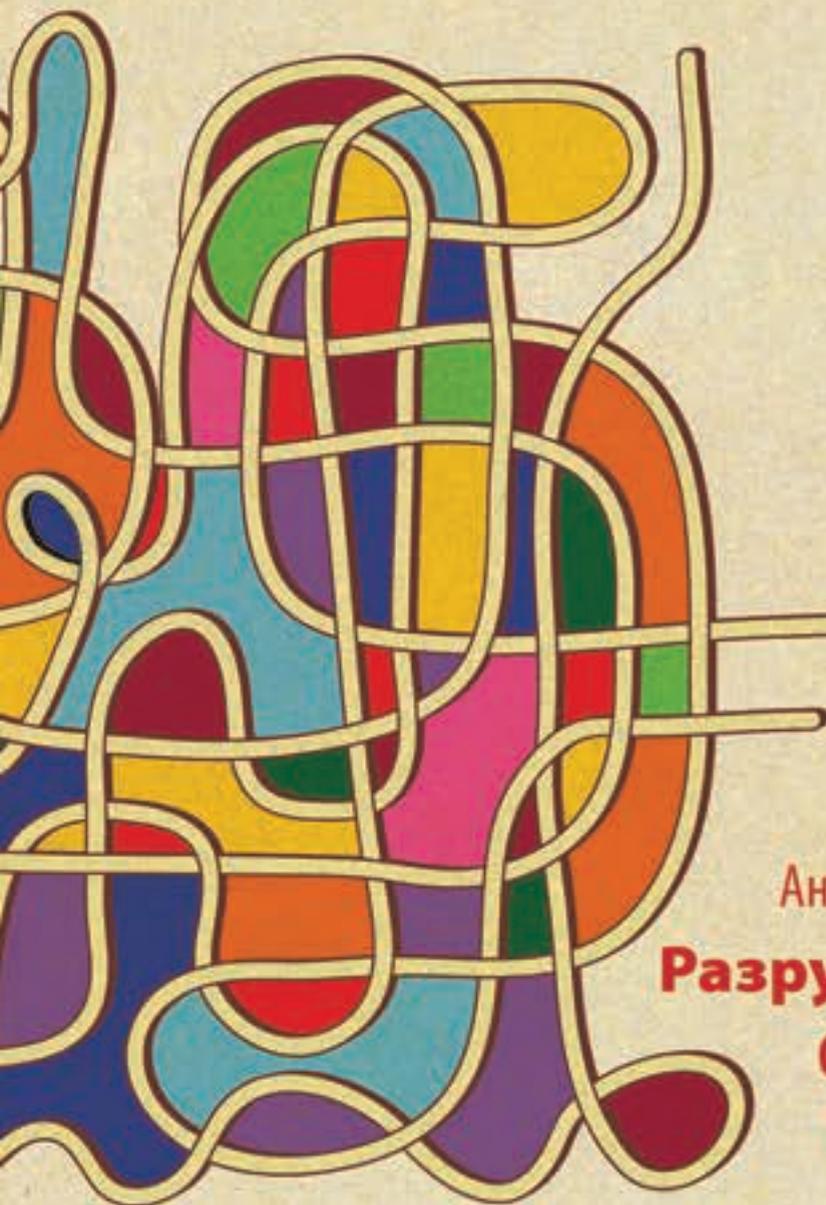

ТАТЬЯНИН

ДЕНЬ

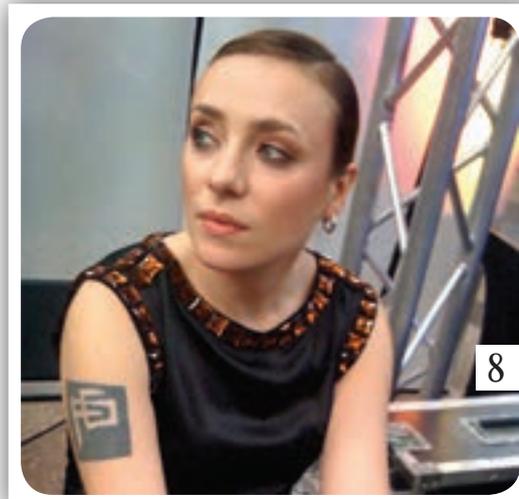
Издание Домового храма св. мц. Татианы при МГУ им. М.В. Ломоносова

Кто снимал «Новую землю»
Зачем жениться студенту
Планы Тутты Ларсен
Заметки о войне в Грузии

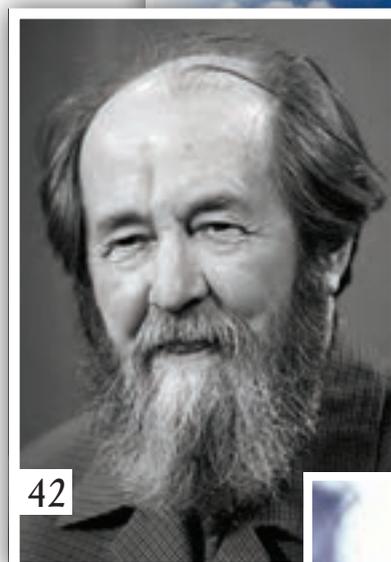

Анатомия страсти «Анны Карениной»
Разрушенный мир Толкина
Одиночество в большом городе
Credo Вячеслава Бутусова

Университет	«Персональный» Универ	2
Личный опыт	Глоток доброты	4
	Тутта Ларсен: «Никогда не собиралась работать на телевидении»	8
Вопросы настоятелю	Наш ответ атеисту	13
	Постный студент	16
Persona Grata	«Новая земля» Александра Мельника	19
	Имитация бурной деятельности	24
Читалка	Дж. Р. Р. Толкин: «О вере, неверии, Причастии и Церкви»	30
Историчка	История одного флигеля	32
Путевой журнал	Грузинские хроники. Заметки священника	37
Обозреватель	Солженицын: как хоронят писателей	42
	Размышления о национальной элите	44
КиноТеатр	Одиночество в большом городе	46
ТД-опрос	«Забракованные» — узы или новый формат любви?	48
Абзац	«Анна Каренина»: анатомия страсти	52
	Вячеслав Бутусов: «Ощущение Бога»	56
	Господи, помилуй мя, студента	60

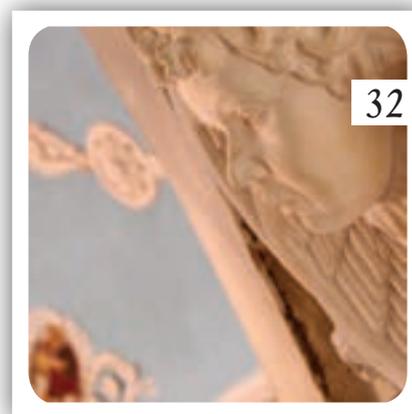
8

42

2

32

4

30

21

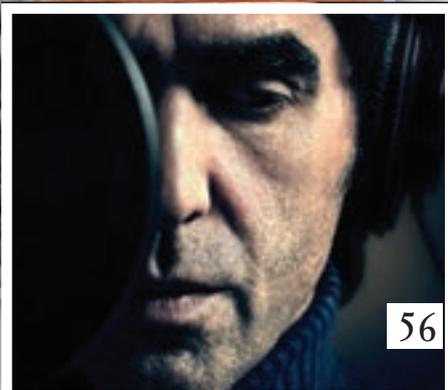
37

46

24

56

>>

Редакторская колонка — дело трудное. Дай человеку не то чтобы свободу, но только 1000 знаков

для самовыражения — и начинается: об этом сказать? — места не ахти сколько; о том помянуть? — так добавить нечего; о сём? — а о сём лучше вообще помалкивать. Вроде бы редактор — птица подневольная. Сказано: проанонсируй темы, и он, смиренно повинувшись року, делает и тут же — недоумевает. . .

Ну как, скажите на милость, в одном журнальном номере можно было размышлять о том, куда катится российское образование, надо ли жениться на любимой девушке, как хоронили Солженицына, можно ли быть порядочным человеком, страшно ли было на Грузинской войне, как Тутта Ларсен попала на TV, а продюсер «Монгола» (Александр Мельник) стал режиссером «Новой земли», какой богословский смысл Бутусов («Нау») нашел в пельменях и зачем американским студентам исихазм*?

Оставив всякие надежды прослыть «нормальными», редакционный коллектив «Татьянина дня» решился-таки на этот кульбит и действительно старательно изводил интервьюируемых вопросами, ломал карандаши о блокноты, вредил компьютерной технике настойчивым кляцанием, а пищеварительной системе — растворимым кофе вперемешку с колбасой.

Взглянуть бегло на получившийся «продукт природы», который вы нынче держите в руках, — «глянец-глянцем», аляповатый, выдающий девичью любовь к разного рода «декорациям». Начнешь листать — «ну, подумаешь, дай волю интеллигентщине, еще и не так бумагу измарают». Но главное-то, главное: журнальчик позиционируется не иначе как... православный.

«Тьфу ты, Господи, вот уж напасть! Только вот православной пропаганды в журналах и не хватало!» — воскликнут поборники чистоты мышления от религиозной накипи, и настанет тотчас же время бессрочного нашего с ними расставания. Тех же, кому введомо горячность споров о вере, о Боге, о религии и Церкви на шумных диспутах или в задушевной беседе с сердечным другом, или со звездным небом, мы приветствуем радостно — если не целованием, то уж улыбкой точно. Мы, собственно, вас искали. И, кажется, нашли!

Об одном только «главред» предупреждает: не заворачивайте рыбу в журнальные листы. На них слишком много полиграфической краски, это может быть чревато отравлением.

Юлиана Годик,
главный редактор
Татьянин день/ www.TADAY.ru

>>

*Исихазм — Молитвенная практика православных аскетов, в которой применяется безмолвная молитва ради созерцания Божественного света (Фаворского света, который исходил от Христа при Преображении на горе Фавор).

«Персональный» Универ

Они сожалеют об отсутствии петелек на пальто, ругаются на грязные подносы, дышат пылью в поисках затерявшегося Макиавелли, смотрят на нас, учащихся и учащихся, со своей «персональной» позиции, т.е. позиции университетского персонала, и рассказывают «Татьянину дню» о «трудах и днях» — библиотечные «ангелы-книгохранители», «уютные» гардеробщицы, «грозные» буфетчицы МГУ.

Гардероб 2-го гуманитарного корпуса. Северный вестибюль. Гардеробщица Лидия Петровна.

Студенты — контингент очень культурный. Плохого ничего не могу сказать. Единственное — ругаемся с ними из-за этих вешалок, когда их нет на одежде, петелек, в смысле. Говорят: «Завтра пришью», — и всё, конечно, забывается. Интересно смотреть, как студенты общаются. Обсуждают свои экзамены, задачи по высшей математике, кто как решал, у кого какие ответы.

Работается здесь тяжело, тем более, когда зимняя одежда. Мы уж, конечно, хитрим, стараемся тяжелую одежду не нести в другой конец гардероба. В МГУ приятно работать, чисто, следят за порядком. И молодежь, конечно, нравится. Мне вот студенткой быть не довелось, не поступила. Пошла работать.

Столовая. 1-й «ГУМ». Второй этаж. Татьяна Михайловна, работающая на раздаче.

>> **Какими Вы видите студентов?**

Вижу? Знаете, очень хорошо к ним отношусь. Идет детский сад, правда, немного бесполовые, но более или менее культурные по сравнению с предыдущими пятью годами, не такие наглые.

>> **А мы (автор статьи учится на 5-м курсе филфака — прим. ред.) были наглые?**

Да, вы были нагловатые. А этот поток идет более или менее приличный. Не так посуду бросают, более вежливые... И вообще, как я к вам отношусь? Хорошо я к вам отношусь. Все молодые, все красивые. Только, ради Бога, учитесь хорошо, слушайте родителей и будьте здоровы.

>> **Вам нравится Ваша работа?**

Нравится, я с 1997 года работаю, здоровья у моего коллектива уже нет. Но говорю же, в этом году студенты неплохие.

Библиотека МГУ. 1-й «ГУМ». Читальный зал. Библиотекарь Кема.

>> **Какими Вы видите студентов?**

В смысле, какими вижу в реальности?

>> **Да.**

Серьезные и вежливые.

>> **Давно здесь работаете?**

Недавно.

>> **Нравится?**

Не особо.

>> Как Вы сюда попали?

Я по специальности библиотекарь, а здесь пришлось на выдаче работать.

>> Откуда Вы?

Из Калмыкии.

**Библиотека МГУ.
1-й «ГУМ». Читальный зал.
Библиотекарь Полина.**

Мне очень повезло с первым читателем... Я пришла в библиотеку работать еще несовершеннолетней и обалдела. Тут все крутятся, вертятся... Даша, начальница моя, говорит: «Давай, сходи на выдачу, посмотришь, как там все работают. У тебя два дня есть». Я спокойно думаю: «Поучусь два дня», вышла, а мне девчонки: «Видишь, народу сколько, давай работай!» Растерялась, не знаю, что делать. А девушка-читательница мне всё объяснила: «Вот это я заполняю, это вы берете, туда кладете», — помогла.

Я работаю с 2004 года. Нравится ли мне? Работать вообще не очень приятно. Если находить позитивные моменты, то легче. Здесь коллектив хороший, это спасает.

Преподаватели, которые приходят за книгами, исключительно вежливы, в отличие от студентов. Они приходят и говорят: «Можно мне...» Такое впечатление, что мы им делаем одолжение, что книжки приносим. Не было такого, чтобы преподаватели, как студенты, пришли, швырнули что-нибудь на стол.

У меня был случай, когда я начинала работать: одна девочка меня так отчитала. Ей что-то не понравилось, она начала говорить, давно ли я от мамки-то отошла. А сама она была вся такая взрослая, с маникюром, было очень неприятно. Но что я могла сделать? Нельзя же избить читателя...

А еще случай, когда мальчик здесь стоял; обычно народу немного бывает с самого утра, я вышла, улыбнулась. «Здравствуйте!» — «Здравствуйте!» — «Так-так-так, и что же у нас сегодня?» Он протягивает бумажку и говорит: «Макиавелли!» — «Очень приятно, Полина». Развернулась и пошла в фонд, посмотрела на бумажку и поняла, что он, собственно, заказывал мне книжку. Вернулась, мальчик тут уже крочился в припадках смеха.

Работать здесь не скучно для человека, который любит читать. Я очень люблю читать. Как пришла, первым делом прочитала всего Маркеса. Здесь всё под рукой, и можно ковыряться в фонде, находить какие-то совершенно уникальные книжки. Но конечно, это можно делать только после работы или во время обеда, по-другому вряд ли получится, потому что идет постоянный поток студентов, плюс работы по фондам.

**ГЗ МГУ. Сектор А.
Гардеробщица Таня.**

Что могу сказать? Мы студентов любим и уважаем. Понимаете, это как в семье. Если родители любят своих детей, естественно, их дети будут любить, правильно?

Конечно, детки они и есть детки... Есть дети из богатых семей, я таких называю просто невоспитанными; может, они и богатые, но невоспитанные. Бывает, что они как-нибудь съязвят, но мы к ним хорошо относимся, и они меняются и становятся тоже хорошими. Всё зависит от людей. Если я вам буду улыбаться, то и вы волей-неволей будете мне улыбаться. Если же я вам что-то грубое скажу, то и вы мне тем же ответите. Это же такая система. Если хочешь, чтобы с тобой так поступали, значит, и ты так поступай.

Вон в сессию приходят нервные, напуганные. Мы говорим: «Обязательно пятерку получишь». Потом прибегают: «Пятерка, пятерка! Сдал!», мы говорим: «Слава Богу, молодец». Так что пишите, что есть такие гардеробщицы, которые любят своих студентов, и они им отвечают взаимностью.

>>> Екатерина Верещагина

ГЛОТОК ДОБРОТЫ

Отпуск — вещь прекрасная, особенно когда никуда не надо лететь или ехать, а можно просто сидеть дома и гулять с семьей в лесу. Вот и пошли мы с женой и сыном гулять в лес. А с лесом у нас так дела обстоят. Надо выйти из дома, сесть на маршрутку и доехать минут за десять до Битцевского лесопарка. Сели мы и поехали; день был общегражданским выходным — людей не было ни на улицах, ни в маршрутке.

Держим путь в сторону леса, а поскольку я точно не знаю, где удобнее и ближе к лесу высадиться, то и говорю водителю: «А вы нас где-нибудь поближе остановите». На что он мне кивает — ну, как обычно водители маршруток кивают. И вдруг раз — и сворачивает с дороги в проулок между домами; такого поворота в маршруте точно не было. И довозит он нас (в машине — мы одни) до леса, то есть прямо на опушку выехал. А так нам бы еще идти пешком от официальной остановки метров так пятьсот-шестьсот. Я, честно говоря, опешил совсем. Спасибо, говорю. А он мне: да не за что, приезжайте еще. Я не мог отойти долго от такого поступка. Ну вот зачем, спрашивается, этот явно не-москвич явно кавказской внешности мне — явному москвичу славянской наружности — оказал такую услугу? Я не знаю. Просто так. Просто захотелось человеку в погожий денек что-то сделать просто так. Он и сделал. Он ведь еще десятку не попросил сверх нормы и разговоров не завел о том, какие мы, то есть они, кавказцы, хорошие на самом деле. А просто выгрузил нас и уехал, моргая фарами от удовольствия. Просто так.

Мы вообще привыкли думать, что у нас всё хорошо по жизни. Москвич со среднестатистическим набором бытовых благ и таким же средним доходом почему-то вдруг решил, что жизнь удалась, что всё наконец-то хорошо. Он работает, покупает себе еду всякую разную, одежду — когда получше, а когда похуже, и вроде как всё нормально. Потому что он платит деньги и имеет право требовать нечто соответствующее заплаченным деньгам.

На Юго-Западной в будний вечер очень много народу. Ну просто тьма. И опять же маршрутки пасутся желтобокими стадами. Одна совсем уже полная, одно свободное место. Заходит девушка: места есть? Одно. А у нее за плечом подруга выглядывает. То есть девушек две, а место одно. Мужик среднemosквской внешности встает и выходит со словами: «Садитесь, девушки». У всей маршрутки, в том числе и у девушек, взгляд удивленного страуса. В глазах явно читается фраза: «Во мужик — дурак, это ж маршрутка, а не автобус, ты же ЗАПЛАТИЛ за это место свои кровные 15 рэ». А мужик вышел и ушел куда-то, водитель нажал на газ, и машина уехала в сторону Ленинского. Ну вот зачем так делать? Кому от этого легче? Не старой бабушке, инвалиду ВОВ уступил, а каким-то девчонкам, которые и забудут через час об этом. Зачем? Просто так.

В Москве нельзя купить хорошего хлеба за 10 рублей. То есть хорошего можно, но только французский baguette за 100 рублей в «Перекрестке». А за 10 в булочной нельзя. И не потому, что в том длинном батоне из «Перекрестка» какие-то сверхдорогие ингредиенты, а просто потому, что у нас

за всё хорошее надо платить. Всегда. А просто так сделать что-то хорошее нельзя, это не комильфо. У нас в соседнем магазине два марокканца открыли лавку с потрясающе свежими «мясами». Стою в очереди, передо мной женщина лет 45. Берет и фаршу, и цыпленка табака, и телятинки. А у нее при подсчете 50 (!) рублей не хватает. Она-то уже всё завернула-положила, а ей вдруг не хватило. Она давай вынимать свертки, а этот Саид марокканский ей говорит: «Ладно, мол, потом занесете». И женщина произнесла фразу года: «А что, можно?!?»

Вот это то, что кардинально отличает нас и от Европы, и от Азии. Нам не хватает какой-то обыкновенной житейской непосредственности в отношениях. Всегда есть боязнь, что если тебе делают даром, то и ты потом ОБЯЗАН будешь этот дар вернуть. А оно тебе надо? Нет. Вот и живем мы в постоянной заботе о том, чтобы никому не быть должными; чтобы если уж брать — так подороже; чтобы если уж давать, так хоть за копеечку. Интеллигент скажет, что всё это называется словом «мещанство». Может быть, но от такого диагноза легче не становится. В метро никто не улыбается. Никогда. Прямо иногда злость берет: все как будто роботы из «Звездных войн». Третьего дня еду с мелким в метро в час пик. Переход на «Парке культуры». Толпа страшная — ясное дело. Я ребенка поднимаю высоко, чтобы было чем дышать. А ему хорошо, интересно (не всякий день в метро-то катается), по сторонам смотрит, да как засмеется простотаковским смехом полуторагодовалого младенца. Сначала вокруг все резко обернулись, как будто выключившись из системы, а потом народ постепенно тоже посмеиваться стал. Просто так.

Иногда хочется плакать от какой-то всеобщей отупевшей черствости. Любимый диалог (или монолог про себя): «Тебе что, жалко? — Жалко! — Почему? — А я что, обязан?» Ведь и впрямь не обязан. Пошли вечером с женой и ребенком в коляске по магазинам и решили зайти в новый большой книжный супермаркет. На входе встречает большой-пребольшой охранник. «А вы знаете, у нас нельзя с коляской, она у вас грязная». И правда, колеса грязные. Проблем нет, говорим, оставляем коляску, берем тележку. Но в тележке, хоть она и большая, нет такого специального отверстия, куда можно посадить ребенка, а без него наш мирный атом может и упасть, и выпасть — очень небезопасно и для магазина, и для него самого. Нет, говорю, я бы и рад, да у вас тележки непригодные. На что мне охранник отвечает: «Ну, значит, в другой раз придете» (без ребенка то есть). Разумеется, зову администратора, она в корпоративной солидарности с охранником говорит: нет, нельзя. Пишу жалобу в книгу жалоб, объясняя, что меня, покупателя, не пустили в магазин охранник N и администратор M. Да, при этом в правилах, которые висят на стене, русским по белому написано, что нельзя только в пачкающей одежде заходить. А про коляску с грязными колесами — ровным счетом ничего не сказано. Ладно, уходим. Переходим через дорогу, и в торговом

центре, куда мы пошли за покупками, тоже есть книжный. Поскольку мы уже вынесли урок из ситуации, оставляем коляску вне магазина и с ребенком на руках заходим внутрь. Пока мы выбираем книги про Репку и Кота-Котофеича, к нам подходит уборщица со шваброй (а не администратор с охранником) и говорит: «Ваша коляска?» «Наша», — отвечаю, уже ожидая гневной отповеди про пыль и грязь, которую они тут обязаны вдыхать день-деньской. «Ну, так вы ее завезите и на ней своего малыша и катайте по магазину — удобнее ведь». «Нет, — говорю, — она грязная, наша коляска». На что получаю гениальный по своей простоте ответ: «Ну и что? А я зачем здесь? Вот и швабра у меня в руке». Я чуть не заплакал. Чуть не сказал этой уборщице, что она вообще-то не обязана за нашей коляской с тряпкой ходить, она вообще и так устает. Но не сказал, потому что было видно, что человек понимает всё, но — просто так — делает иначе.

Какое же всё это имеет отношение к христианству? Самое прямое. Когда человек делает что-то просто так, он делится с другим частью себя, частью своей жизни. И не по обязанности, не потому, что ему взаимно за это что-то будет, а просто так. Мы получили эту жизнь просто так, бесплатно. И когда он своей жизнью делится с незнакомым ему человеком, то он зарабатывает, как любит говорить один хороший священник, пару квадратных сантиметров Царствия Небесного. А когда он взаимно дает, то ничего не получает. В этом весь парадокс и состоит. Начать нужно с малого. Сделать что-то просто так. Человеку, которому ты ничем не обязан. Человеку, которого никогда больше, скорее всего, в этой жизни не увидишь. И тогда, быть может, у кого-то (а то и у многих) возникнет желание помогать детям, больным раком, или отказникам, которых бросили родители. И самому человеку тогда станет немного легче жить, как будто он сделал, как пел Чиж, глоток доброты.

>> Диакон Александр Волков

**Тутта Ларсен:
НИКОГДА В ЖИЗНИ
не собиралась
работать на ТВ**

То, что Тутту Ларсен на самом деле зовут Татьяной, — уже давно не секрет, равно как и то, что некоторое время назад мировоззрение известной телеведущей кардинально изменилось... Как же Тутта-Татьяна «дошла до жизни такой»? И, кстати, какой она была студенткой? «Татьянин День» — спросил...

>> Какой была Ваша студенческая жизнь, что Вам из нее больше всего запомнилось?

Студенческая жизнь была замечательная — как любая студенческая жизнь, мне кажется. Достаточно бурная, активная, голодная, беззаботная... и очень добрая, по-моему.

>> Студенческая жизнь была замечательная — как любая студенческая жизнь. >>

>> А Вы хорошо учились? «Хвосты» часто были?

Нет, Вы знаете, я училась хорошо в школе, а в Университете мне уже было неинтересно достигать невысказанных высот во всех дисциплинах. У меня никогда не было «хвостов», но «пятерки» были только по тем предметам, которые были мне по-настоящему интересны, нравились или могли пригодиться. А по прочим дисциплинам бывали и «тройки» даже.

>> Мне до сих пор кажется, что чтобы, учась на журфаке, не найти работу даже во время учебы или после того, как ты отучился, — это надо быть совсем уж каким-то балбесом! >>

>> Потом, уже став профессионалом, как Вы оценили свой выбор нужных и не очень нужных предметов? Не жалели?

Я Вам честно скажу: с моей точки зрения, научить человека журналистике совершенно невозможно: он либо является журналистом по складу характера, либо нет. Поэтому учеба на журфаке — это не учеба на оценку. Это умение общаться,

умение найти себя, возможность научиться применять свои таланты и оттачивать свое мастерство. Я пришла на журфак с трехлетним стажем работы в газете в качестве корреспондента и не могу сказать, что меня чему-то особенно научили по специальности. Для меня открыли литературу — западную, античную, древнерусскую, мне помогли с языками...

>> Тогда есть ли вообще смысл в журфаке как таковом, если специальные дисциплины почти не пригождаются в практической работе?

Я не знаю, как обстоит дело на телевизионном и радиоотделении, но на газетном отделении, где я училась, когда мне на предмете «Теория и практика журналистики» объясняли, что сначала я должна придумать заголовок, а потом написать статью и никак иначе, — это было забавно. Но журфак учит налаживанию общения, умению расположить к себе собеседника, тому, что важно грамотно построить диалог, научиться задавать вопросы. Безусловно, журфак помогает тебе попасть в пространство журналистики — пространство профессиональное, где ты так или иначе себя найдешь. Мне до сих пор кажется, что чтобы, учась на журфаке, не найти работу даже во время учебы или после того, как ты отучился, — это надо быть совсем уж каким-то балбесом!

>> Телевидение для Вас оказалось наиболее органичной стезей?

По всей видимости, да, хотя я никогда в жизни не собиралась работать на телевидении, и всё это до сих пор кажется мне скорее вопросом случая, нежели каким-то моим реальным устремлением.

>> ...не могу сказать, что меня чему-то особенно научили по специальности. >>

>> А когда Вы говорили в некоторых интервью, что MTV, каким Вы его делали, больше не существует, что Вы имели в виду?

Я имела в виду, что канала больше не существует в том виде, в котором он всегда существовал. Теперь у руля другие люди, которых интересует всё,

>> Зачастую современные журналисты бывают очень невежественны, просто элементарно плохо эрудированы, и это служит им весьма дурную службу. >>

что угодно, только не современная музыкальная молодежная культура.

>> А как Вам удавалось совмещать воцерковление и работу в этой среде современной культуры?

Это достаточно несовместимые вещи, поэтому мне это не удавалось.

>> Вы могли бы, несмотря на то, что для Вас работа на телевидении стала делом случая, предложить рецепт построения журналистской карьеры?

Вы знаете, мне очень сложно об этом говорить, потому что то, чем я занимаюсь, — это всё-таки в меньшей степени журналистика, в большей степени — шоу-бизнес. Но мне кажется, что рецепт любого профессионального успеха заключается в том, что ты непрерывно учишься, много и непрерывно работаешь и любишь свое дело — вот и всё.

На самом деле, чтобы быть журналистом, нужно иметь эту жилку, нужно иметь любопытство к миру, нужно грамотно писать, а потом уже много знать. Зачастую современные журналисты бывают очень

>> Один человек может быть сантехником, а другой — политическим деятелем или оперной звездой, но этим людям всегда будет о чем поговорить, потому что они равны в своей взрослости. >>

невежественны, просто элементарно плохо эрудированы, и это служит им весьма дурную службу. Но в любом случае мне кажется, что стать профессионалом можно только с опытом и любовью к своему делу, а не с помощью тех денег, которые ты за него получаешь, и той славы, которую тебе это дело приносит.

>> Успех помогает в обычной человеческой жизни, мешает или он нейтрален в этом отношении?

Вы имеете в виду успех профессиональный или успех публичного человека?

>> С одной стороны, успех как «красную лампочку», которая горит у тебя

впереди и до которой ты стремишься добежать, но и публичность, конечно, тоже. Так что сразу два вопроса.

Публичность — штука такая неоднозначная, потому что она и помогает, и мешает одновременно. Она очень притягательна и привлекательна, но в то же время очень сильно развращает и не дает оставаться наедине с собой, когда тебе это необходимо, мешает адекватно к себе относиться, правильно выстраивать приоритеты и иерархию ценностей.

А если говорить об успехе профессиональном, то это, безусловно, помогает

>> Женщина, безусловно, сильнее духом, чем мужчина, крепче душой, что бы там ни говорили. >>

жить, потому что всякого человека — и мужчину, и женщину — очень волнует собственная востребованность, просто у разных людей это имеет разные формы. Для кого-то быть востребованным, быть успешным — это вырастить пятерых прекрасных детей, для кого-то — стать авторитетным журналистом, а для кого-то — делать лучшие в мире табуретки из красного дерева.

>> Образ современной женщины очень часто связывают с успешностью. Тот же «Секс в большом городе», вышедший этим летом. Мужчина оказывается слабее женщины. Должен ли он оставаться более сильным? Или ситуация, когда женщины возьмут на себя главенствующую роль, может стать нормальной?

В этом мире понятие силы и слабости относительное и относительным было всегда. Мужчина силен физически. Женщина, безусловно, сильнее духом, чем мужчина, крепче душой, что бы там ни говорили. Поэтому говорить об успешности женщины вне контекста личной жизни, вне брака, вне мужчины,

вне любви, мне кажется, совершенно бессмысленно. В этом смысле героини «Секса в большом городе», на самом деле, не исключение.

Повторюсь: для какой-то женщины важно реализовать в профессии, для кого-то важно реализовать в семье, в каком-то умении, в хобби, в таланте стихосложения или писания картин, но, безусловно, и для мужчины, и для женщины одинаково важно найти свою половинку, создать семью и продолжить свой род. Без этого ни о каком успехе речи быть не может, и мне кажется, что все эти теории о том, что мужчины стали слабыми, а женщины — сильными, очень надуманны и созданы скорее глянцевою прессой, чем реальной современной жизнью.

>> Во многих интервью Вас просили прокомментировать смену имиджа, то, что Вы повзрослели. Что бы Вы сами назвали критерием взрослости? Когда человек становится взрослым?

Вы знаете, мне один замечательный священник сказал, что взрослый человек — это профессионал. Неважно, каким делом он занимается, — это человек, состоявшийся в своей жизни и в своем деле. Один человек может быть сантехником, а другой — политическим деятелем или оперной звездой, но этим людям всегда будет о чем поговорить, потому что они равны в своей взрослости. Мне кажется, что это очень близко к истине. Взрослый человек — это тот, кто отвечает за свои поступки и умеет делать свое дело.

>> Раз речь зашла о священниках, то вот о чем хотелось бы спросить: когда Вы учились на журфаке, Вы знали, что в одном из флигелей был храм?

Да. Но в мою бытность студенткой журфака в этом флигеле был кабак и театр, и мне достаточно сложно было зайти в храм, пока он, наконец, не восстановился, потому что это было место, где я курила сигареты, пила шампанское и строила глазки своим однокурсникам.

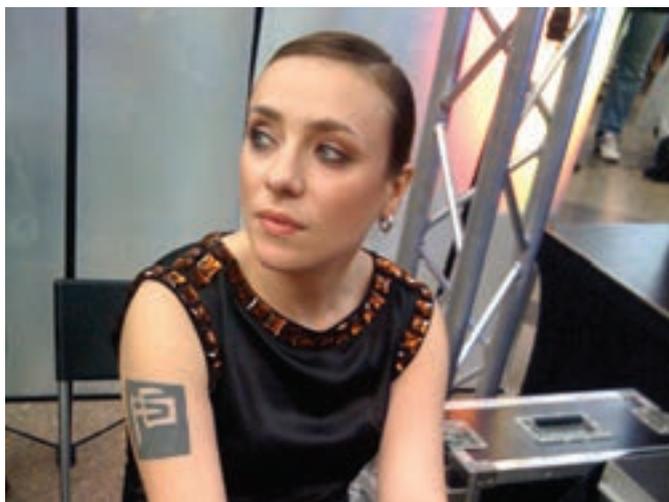

>> А потом Вы всё-таки стали ходить на службы?

>> В момент моего воцерковления это был вообще единственный способ для меня спастись — физически, не в вечной жизни, а в этой, земной, потому что у меня просто отказали все органы и конечности и не хотели мне никак повиноваться. >>

Я хожу каждый год на акафист Татьяне, очень люблю свечную лавку этого храма, потому что там можно найти редкие вещи, книжки, отличную духовную музыку. И если я бываю в тех краях, стараюсь зайти, приложиться к мощам моей святой покровительницы, конечно.

>> Что было толчком к тому, что Вы начали воцерковляться?

>> Программа-максимум — это, наверное, чтобы совесть не мучила... >>

Меня крестили в 10 лет, но в семье не было ничего, что связано с духовной жизнью. Более того, я жила в Донецке, где в те годы просто не было ни одного храма, потому что этот город строился уже после того, как большевики пришли к власти. Но я очень много путешествовала по России, по Советскому Союзу, и всегда в любом городе, куда мы приезжали, меня очень сильно тянуло зайти в храм, поставить свечку, подышать ладаном, вообще как-то проникнуться этой атмосферой. Я не знала ни одной молитвы, ничего в этом не понимала и не умела. Потом со мной случилось несчастье, я потеряла ребенка, очень сильно болела... Так и пришла в храм, потому что это был единственный способ возродиться, воспрянуть, понять происходящее, извлечь из него правильные уроки.

>> Как у многих...

К сожалению, да. Так происходит у многих современных людей. Пока не стукнет как следует по башке, мы в храм не идем.

>> А приход к вере сопровождался какими-то внешними или внутренними конфликтами?

Нет. Вы знаете, мне кажется, что вера всегда была во мне. Просто она была оторвана от храма, от исповеди, от причастия, от каких-то атрибутов воцерковления. Но верила я всегда, с раннего детства. Внутренняя молитва часто была во мне. В момент моего воцерковления это был вообще единственный способ для меня спастись — физически, не в вечной жизни, а в этой, земной, потому что у меня просто отказали все органы и конечности и не хотели мне никак повиноваться.

>> В любом случае, моя профессия находится в достаточно серьезном диссонансе с духовной жизнью. >>

>> Когда пришлось отказываться от каких-то вещей, которые не совмещались с жизнью в Церкви, Вы не боялись, опять же, потерять свою работу, потерять свою аудиторию? Или это были уже просто вещи не такие важные?

Нет, просто на самом деле я до сих пор нахожусь в этом процессе. Я далеко не столь уж примерная христианка. В любом случае, моя профессия находится в достаточно серьезном диссонансе с духовной жизнью. Я стараюсь поступать по совести, но, к сожалению, пока очень многие вещи не могу исключить из своей жизни, хотя знаю, что это неправильно. Например, я не соблюдаю все посты, я не каждую неделю хожу в храм, я достаточно редко вычитываю все правила.

>> Вы могли бы сформулировать, какова сейчас для Вас задача-минимум и задача-максимум?

В духовной жизни или в жизни вообще?

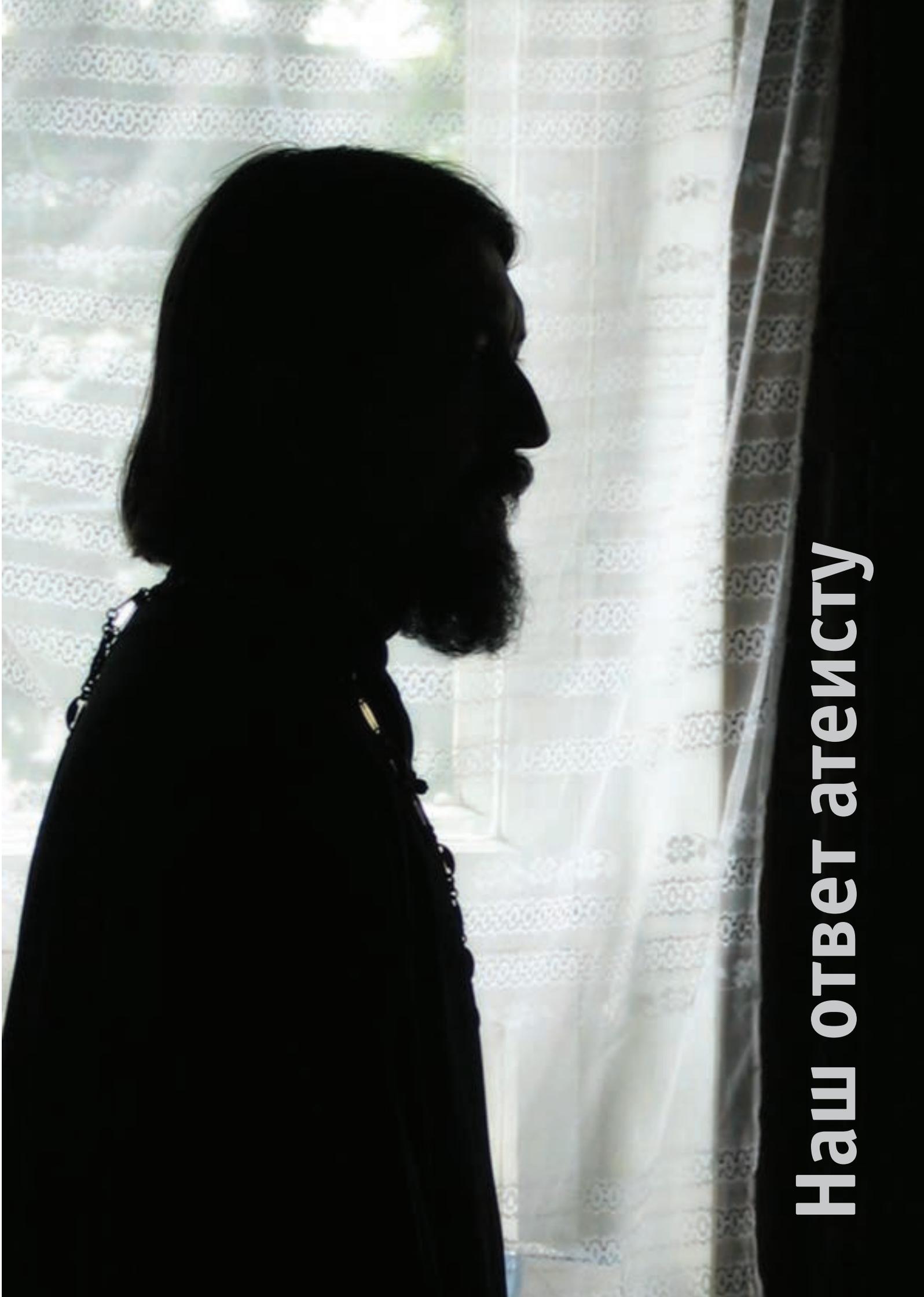
>> Что первое придет в голову.

Задача-минимум, наверное, — построить семью, нормальную, полноценную, правильную, нарожать еще парочку детей, построить дом, в котором можно собрать всех и жить вместе в какой-то благодати, чтобы всем хватало всего — и любви, и денег, и здоровья на то, чтобы быть вместе и любить друг друга, друг друга воспитывать и беречь. А программа-максимум — это, наверное, чтобы совесть не мучила.

>> Спасибо Вам.

И Вам спасибо большое.

>> Беседовала Мария Хорькова

Наш ответ атеисту

Религию иногда отождествляют с системой запретов, где всё делится на «можно-нельзя». Но на самом деле жизнь сложнее и интереснее, и оценивать какие-либо феномены даже с христианских позиций можно по-разному. Да и со священником можно не только богословие обсудить, но и науку и... личную жизнь, конечно же. На вопросы читателей сайта «Татьянин день» / www.TADAY.ru отвечает настоятель Домового храма св. мученицы Татианы при МГУ прот. Максим Козлов.

Если я люблю его, а он любит другую, что мне сделать, чтобы он перешел ко мне? >>

Бывают жизненные ситуации, из которых нет простых выходов. В которых при любом варианте кому-нибудь будет плохо. Но Вам сейчас предстоит сделать выбор: взять этот крест скорби отказа от любимого человека и понести его, хотя даже будет очень больно, или принести боль, скорбь и разрушение, может быть, распад всей жизни в судьбы других людей. И этот выбор стоит перед Вами. Никто не может заставить Вас поступить так или иначе. Но, по крайней мере, понимайте, что Вы будете делать.

У меня есть друг, который считает себя православным, но в церковь ходит только на Литургию в воскресенье, не считает нужным соблюдать посты, упрекает меня в излишней «ортодоксальности»... Я не знаю, как себя вести, но расставаться с ним не хочу... >>

Поступить здесь можно очень по-разному. Несомненно, что молодой человек, сводящий свою церковную жизнь только к присутствию на воскресной службе, поступает не очень глубоко. И сам по себе упрек в излишней ортодоксальности — упрек довольно странный в устах православного человека, ибо слово «ортодоксия» и переводится как «православие». Это всё равно, что сказать: «Ты слишком православный, лучше быть поменьше верующим, поменьше христианином». Общаться ли Вам с ним дальше или не общаться — решить можете только Вы, но впрочем, разумно будет постараться организовать ваше общение таким образом, чтобы Вы его грехам никак не приражались. То есть сами бы на всю ночь ходили, а не в бар, при произнесении сальных острот давали понять, что в присутствии девушки это неприемлемо, а если он не останавливается, то имели бы решимость удалиться на какое-то время, и вообще не отступались бы от благочестивого уклада Вашей жизни. Если он и с Вами такой захочет далее общаться, то шаг за шагом начнет возвращаться к тому, чем Вы живете. Если же он от Вас в Вашей православной церковности оттолкнется, то плохой был бы он муж.

Существование церкви здесь, при Университете, оскорбляет мои чувства. Объясните, что вы тут делаете? А вот если бы в ваших церквях происходило что-то подобное, например, там размещались бы капища сатанистов? Ведь вы для меня то

же самое, что для вас — сатанисты. Вы — мрачные и злобные мракобесы, поклоняющиеся тьме и распространяющие невежество. Атеист >>

Гражданин атеист, прежде всего, позвольте выразить радость о том, что человек, именующий себя атеистом, тем не менее на досуге или на работе почитывает православный сайт, — это свидетельство небезнадежности Вашей души. Сколько раз в истории Церкви было так, что некогда пылавшие гневом гонители становились ревностными последователями Христовой истины, начиная от апостола Павла. Чего я и Вам от всей души желаю во время подобно.

Пребывание Церкви в стенах Университета — это не стремление оскорбить атеиста, но свидетельство об опыте жизни, идущее от полноты сердца. И это та радость, которой невозможно не поделиться, то сокровище, которое греховно утаить только для самого себя.

Вспомните новейшую историю нашей страны. Какая была сила у безбожного атеистического государства, какая видимая мощь у тоталитарной идеологии, какая всепроницаемость общества карательными органами; а где сейчас та власть? Где та идеология? Как дым, рассеялись все нападки и стремление уничтожить Церковь Христову, и она вновь, как феникс, из пепла возрождается в нашем Отечестве. И посмотрите на историю человечества: обетование Христа о том, что врата ада не одолеют Церковь, исполняется удивительнейшим и явственным образом. Сколько бы ни было врагов у Церкви Христовой за две тысячи лет, они никогда не могли ее победить. Задумайтесь хотя бы о том, что бы это могло значить.

Запрещены ли священнику классические танцы? >>

Пляски действительно запрещены для клирика каноническими правилами. Впрочем, безусловно, ни каноны, ни последующие синодальные решения не детализируют видов танцев, в которых клирикам принимать участие недолжно, так что у нас есть основание считать всякие танцы неприличествующими духовному сану. Есть вещи, которые не греховны сами по себе, но которые не соответствуют роду деятельности человека.

Допустимы ли занятия аутотренингом, гипнозом, НЛП и другими способами саморазвития? >>

Духовный опыт Церкви предостерегает нас от игр с подсознанием и с проникновением с черного хода в область душевного, или как сказала бы медицина, в область бессознательного. Поэтому, конечно же, такие вещи, как гипноз, в которых человек утрачивает трезвенный контроль над собой, для православного человека вряд ли приемлемы. Вопрос о том, насколько методика НЛП применима для православного психотерапевта, является более сложным, есть разные точки зрения. В любом случае, это не методика, по которой можно заниматься неспециалисту самому с собой. Если и прибегать к этой технике, то только у специалиста, в квалификации и сознательной церковности которого Вы безусловно уверены.

ОТВЕТЫ НА ЭТИ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ — БОЛЕЗНЕННЫЕ И ОБЫДЕННЫЕ, СЛОЖНЫЕ И ПРОСТЫЕ — ЧИТАЙТЕ НА САЙТЕ «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ» — WWW.TADAY.RU. ВЫ ТАКЖЕ МОЖЕТЕ ЗАДАТЬ СВОЙ ВОПРОС!

Постный студень

Сколько раз слышала, что студенту поститься труднее, чем любому другому. Правда, не слышала, чтобы особые скидки были преподавателям, хотя все «студенческие» аргументы подходят не только учащимся, но и начальствующим и учащим. «А чем я думать буду, без мяса-то?!» И Васька думает да ест... Вот и я решила подумать о том, легко ли поститься студенту.

Постное меню: гречка и еще раз гречка

Интересно, почему в столовой МГУ так редко встречаются постные блюда? Даже законы рынка могли бы подсказать руководству мысль, что православные студенты и сотрудники тоже, во-первых, платежеспособны, во-вторых, голодны, а в пост еще голоднее, чем в мясоед...

Но пока законы рынка не успели проникнуть в Университет, в очереди в столовке можно нередко услышать: «А с чем салатик?» — «Бери, бери, с крабовыми палочками. И с колбасой».

Если всё дело было бы в еде, тогда святыми были бы коровы.

Я никогда не спрашивала тетюшку на раздаче, что она может сказать о том или ином салате. Классового врага она во мне опознала самостоятельно. Однажды, заказав банальную гречневую кашу, я услышала: «А тебе ее нельзя, она сливочным маслом заправлена». До того я была искренне уверена, что гречка в нашей столовке заправлена исключительно водой. Впрочем, разведка доносит, что чем-то она и вправду... Но вы подумайте: где еще в Москве вы сможете оскоромиться за три с половиной рубля (а именно столько она стоила, когда мне рассказывали про сливочное масло)? Только в столовой МГУ.

«Если всё дело было бы в еде, тогда святыми были бы коровы.»

Не будем преувеличивать: меню можно разнообразить рисом, порошковым пюре и изредка разноцветными макаронными изделиями. Всё это приправляется кукурузой или зеленым горошком. Из салатов — капуста. В Рождественский пост повеселее: всё же можно рыбу, которая там стоит рублей 60 и бывает по иронии судьбы обычно по средам и пятницам. Ангела за трапезой, студент!

Мне нельзя: сейчас пост

Стою я как-то в очереди к лотку со всякой газировкой и слышу: парень пытается угостить девушку моро-

женым. «Что ты, мне нельзя: сейчас пост», — отвечает она. Я машинально оглядываюсь на единомышленника: девушка модельной внешности, юбка похожа на широкий пояс, макияж призывный, прическа стоит отданных за нее денег. Я знаю, что любой здоровый человек уже подумал, что сердце мое возмутилось. А вовсе и нет. Сердце мое возрадовалось зело, честно. Всё шире и шире наши ряды, а вы говорите: нормальному студенту поститься тяжело. Даже и гламурному студенту, если захочется, вовсе это не невозможно.

«Всё шире и шире наши ряды, а вы говорите: нормальному студенту поститься тяжело. Даже и гламурному студенту, если захочется, вовсе это не невозможно.»

А бывают и дискуссии иного рода. Спросит человек: «А суп у вас с мясом?» Получит отрицательный ответ, купит суп, углядит в нем курицу, восскорбит и восплачет, а продавщица невозмутимо скажет: «Это же не мясо, это курица, ее в пост можно!» Сама неоднократно сталкивалась с народным убеждением, что молоко нельзя, а творог можно, или мясо нельзя, а ветчину можно... Хотя студентам и на самом деле многое можно: если мозги просят кефира, можно потратить полминуты и взять на это благословение у батюшки, даже незнакомого.

Вот одна моя знакомая у знакомого же батюшки спросила, что же делать, раз гречка маслом сливочным в столовке заправлена. «Ну, масло там разве что машинное, — засмеялся ее духовник. — Если живот не болит — ешь!»

☞ Да будет вам общага ваша кельей

Мне кажется, что самое трудное в соблюдении поста — это именно объяснять окружающим, что это такое и с чем это едят, вернее, чего в это время не едят и почему. Если ваши родители и близкие не постятся, и особенно если готовите в вашей семье не вы, то вряд ли радостная новость о том, что вы с сегодняшнего дня подвижник и постник, будет воспринята спокойно. Чуть реже, чем маме, вам придется объяснять однокурсникам, чьи дни рождения и прочие празднества приходится исключительнo на постные дни, почему вы никак не можете участвовать в пьянке в ночь с Лазаревой субботы на Вербное воскресенье, — студенты народ обучаемый и приглашать вас скоро перестанут.

Мне повезло: мама моя не просто была бы согласна мне отдельно готовить — она постится сама, то есть готовит отдельно в первую очередь себе. А в общаге мы воссоединились в одной комнате с православными девчонками, и теперь поститься стало легче легкого: в комнате просто нет ничего скоромного.

« Пост — это как уборка в доме перед встречей дорогого гостя. Вы у себя в комнате перед празднованием дня рождения или еще какой важной даты прибираете? Ну вот, к вам и приходит Самый Дорогой Гость, а принимать Его надо в душе. Так что там пора прибраться, и пост — веками испытанный веник. »

А студент Игнат Куницын предпочитает не поститься

Студент Иван Петров ест в пост осетров

Отличается ли студенческий пост от абитуриентского или аспирантского?

А в главном студенческий пост не отличается от любого другого. Потому что основное ограничение — не есть ближнего, а всё остальное — только детали. Не отличается и та радость праздника, которая ждет нас в конце пути. Вы помните, как пахнет кулич накануне Пасхи, если весь Великий пост прошел (почти) по уставу? И на Рождество после ночной службы еда имеет совсем новый вкус и аромат. А главное — как звучат песнопения в переполненном храме...

«Святые отцы говорили так: «Ешь рыбу, но не ешь рыбака» или даже так: «Хоть мясо постом ешьте, только друг друга не ешьте».

Пост — это как уборка в доме перед встречей дорогого гостя. Вы у себя в комнате перед празднованием дня рождения или еще какой важной даты прибираете? Ну вот, к вам и приходит Самый Дорогой Гость, а принимать Его надо в душе. Так что там пора прибраться, и пост — веками испытанный веник.

Толстое чрево не родит тонкого смысла (Святитель Иоанн Златоуст).

Святые отцы говорили так: «Ешь рыбу, но не ешь рыбака» или даже так: «Хоть мясо постом ешьте, только друг друга не ешьте».

>> Александра Сопова

ЭТОТ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ ЧИТАЙТЕ
НА САЙТЕ «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ» — WWW.TADAY.RU

Выпить пива на
обед — в том греха
большого нет

Посты в Православной Церкви бывают многодневными и однодневными.

Многодневные посты

Великий пост начинается за семь недель до Пасхи, следом за Масленицей. Он предвещает главный православный праздник — Пасху и является самым строгим: запрещены все продукты животного происхождения, в том числе и рыба.

Петров пост начинается на второй неделе после праздника Троицы, заканчивается 11 июля (28 июня ст. ст.); предшествует празднику святых апостолов Петра и Павла. Этот пост менее строгий, в большинство дней можно есть рыбную пищу.

Успенский пост начинается 14 августа (1 августа ст. ст.), заканчивается 27 августа (14 августа ст. ст.), готовит нас к празднику Успения Пресвятой Богородицы. По строгости похож на Великий.

Рождественский пост (Филиппов пост) начинается 28 ноября (15 ноября ст. ст.), заканчивается 6 января (24 декабря ст. ст.), предвещает праздник Рождества Христова. Этот пост нестрогий, разрешается рыба.

Однодневные посты

Среда и пятница на каждой неделе в течение всего года — в воспоминание предательства Христа Иудой и Его распятия. Однако есть и т. н. «сплошные седмицы», когда посты в среду и пятницу отменяются. Таковы: неделя после Пасхи, после Троицы, неделя Мытаря и фарисея (неделя перед Масленицей) и Масленица; также поста нет все 12 дней Святков (период от Рождества до Крещения).

Постимся мы также в праздник Воздвижения Креста Господня 27 сентября (14 сентября ст. ст.), в день Усекновения главы Иоанна Предтечи 11 сентября (29 августа ст. ст.), в канун Крещения Господня (Крещенский сочельник) 18 января (5 января ст. ст.).

«Новая земля» Александра Мельника

интервью с режиссером

Выход на экраны фильма-антиутопии «Новая земля» (истории о зеках, отправленных в 2013 году на необитаемый остров в Северном море учиться жить заново) взбудоражил очень многих: звездным составом (Лавроненко, Башаров, Дапкунайте, Жигунов), внушительным бюджетом (около 12 млн долл), масштабом съемок (от Шпицбергена до Мальты), бескомпромиссностью выразительных средств. И хотя в наше время мало кого удивит «Кровищей» и «Кишками», о приемлемости жесткого языка картины спорили в Общественном совете по нравственности на телевидении. Пресса не стеснялась выражать восхищение. **FILM.RU:** «Картина идет поперек любого пробитого и приемлемого русла современного российского кино. Такого мы действительно давно не видели»; **«КОММЕРСАНТЪ»:** «Создатели «Новой земли» посадили на грань, отделяющую жанровое кино, боевики и блокбастеры от кино интеллектуального». Хотя главное — то, что создатели не побоялись попытку ответить на «проклятые вопросы»: **кто же эти двуногие, называющие себя разумными? Кто же мы с вами такие?** Фильм стал впечатляющим режиссерским дебютом **Александра Мельника**, в прошлом журналиста, документалиста и продюсера, не побоявшегося ответить и на вопросы «Татьянина дня».

Снять, чтобы смотрели

>> Работа в кино — это любовь или судьба?

Работа в кино — это очень тяжелое испытание. Два обстоятельства, влияющих очень серьезно на человека: благополучие материальное и благополучие под названием «известность». Человек и в первом, и во втором случае начинает ощущать себя способным принимать решения не обдумывая, правильные уже по определению. Один и тот же человек с деньгами и без — совершенно по-разному себя ведет. Известность часто становится искушением. Для меня было откровением встретить на съемках «Новой земли» множество людей малоцерковленных или вовсе далеких от Церкви, но очень порядочных. Ведь люди в кино живут в определенной традиции, которая, к сожалению, подразумевает достижение

>> Работа в кино — это очень тяжелое испытание... >>

>> Один и тот же человек с деньгами и без — совершенно по-разному себя ведет. >>

успеха любой ценой. Кино по-другому не может выглядеть. Если вы хотите, чтобы вас читали, вы должны писать что-то такое, чтобы вас прочли, если вы хотите, чтобы вас смотрели, вы должны снять так, чтобы вас смотрели. Вопрос только один: сумеете ли вы обосновать свой вызов обществу, эпатирование общественного сознания?

Важно, чтобы искусство давало повод для разговора, а не становилось истиной в последней инстанции. Если оно нацелено на то, чтобы продвинуть определенные фамилии, имена, команду — это совсем другое. В этом уже любые методы хороши, можно эпатировать публику до бесконечности...

>> Важно, чтобы искусство давало повод для разговора, а не становилось истиной в последней инстанции. >>

>> Но фильм многие ругают именно за эпатаж...

Фильм ругают многие, но и приглашают нас в разные места. Фильм заставляет об очень многом задуматься, спорить. Меня удивило то, что люди, которые меня давно знают, говорили: ну как ты мог такое снять?! Такое сделать?! А я прочел сегодня в Евангелии от Иоанна отрывок, в котором Спаситель говорит о том, что мир гонит Его за то, что Он говорит ему о зле, которое существует в мире. Вдруг я понял, что нужно ориентироваться именно на это. На то, что Спаситель нам говорил, что иногда нужно зло называть злом, нужно его показывать, демонстрировать его и делать прививки от этого зла. Мы к этому стремились... Если кто-то не понял, что я могу сделать?..

>> Работа удалась? Вы сказали всё, что хотели?

Я хотел не сказать, а прокричать о том, что для меня важно... Ведь не слышат, не видят, не понимают, не чувствуют...

Александр Мельник >>

>> Спаситель нам говорил, что иногда нужно зло называть злом... >>

А уж получилось или нет — судить не мне, посмотрим... Мне бы хотелось встретиться со студентами, послушать, что они скажут об этом фильме.

>> С какими трудностями Вам пришлось столкнуться в процессе съемок фильма?

С колоссальными. Много сложностей было физических, связанных с природой. В Крыму, когда мы снимали (два месяца), был знаменитый ураган, потопивший много судов. А еще этот ураган разметал наши декорации, не давал нам возможности добираться до съемочной площадки... И, конечно, большая группа людей (порой на площадке было до 500 человек, а иногда и больше), — всех сложно было организовать, даже просто накормить, разместить, заставить работать так, чтобы не потерять время. А еще на Севере не было покоя от белых медведей, которые постоянно хотели участвовать в съемках фильма.

>> А еще этот ураган разметал наши декорации, не давал нам возможности добираться до съемочной площадки... >>

>> А радостные моменты съемок?

Когда мы в Шпицбергене заканчивали съемки, выпал первый снег, а мы боялись, что он выпадет раньше на два месяца. И в тот день в небе мы увидели огромную радугу. И когда закончили снимать в Крыму, было то же самое: на горизонте тучи, а на небе — огромная радуга! Тогда это как-то очень сильно порадовало.

>> «Новая земля» — Ваш режиссерский дебют... Что дальше?

Я пока не могу об этом говорить. Планы есть, но они достаточно сложно осуществимы. Кино — это прежде всего бизнес, коммерция, поэтому во всем нужно разобраться. Нужно понять, насколько я ко всему этому готов. И что еще важно для меня — как зритель примет этот фильм, насколько он будет понятен людям, потому что кино довольно сложное. Донести до зрителя главное — вот что важно. Я и дальше хотел бы снимать кино...

За всё придется отвечать

>> Скажите, а чего Вы в жизни больше всего боитесь? Если боитесь...

Я бы так сказал: если говорить о страхе, то это — страх Божий. За всё нам придется отвечать. И не разовая ошибка приводит тебя в ненужное место, а постепенные шаги.

>> Донести до зрителя главное — вот что важно. >>

>> Вас в жизни предавали? Оскорбляли?

Да. Переживал тяжело, порой даже не по-христиански. От внутренней несдержанности переживал.

>> Студентам и молодым людям вообще свойственны жажда свободы, жажда жизни... А как по-Вашему надо жить в молодости?

Мне кажется, надо сохранить свою «настоящность», непохожесть на других, веру, если она у нас есть, и понимание того, что спешить некуда. Очень многие люди пытаются достичь успеха как мож-

>> ...не разовая ошибка приводит тебя в ненужное место, а постепенные шаги. >>

но быстрее, и именно этот успех их приводит порой к разочарованиям и пустоте. Всё равно где — на эстраде, в науке, в Церкви, в обыденной жизни. Человек должен осознавать, что нужно делать свое дело честно — по-настоящему, крепко. Стремиться к успеху — это заложенная в нас потребность, ныне так культивируемая. Нам так часто говорят сейчас, что успех — это мерило всех дел человека. Ничего подобного. Самое главное для человека, которому сейчас 17–20 лет, — не сделать успех своим идолом.

Молодые должны быть дерзкими, они должны совершать поступки на грани обдуманного и чувственного. Человек не может просчитывать. Но он может понимать, что живет в эту секунду, в это мгновение, а не каким-то будущим, которое вот-вот должно на него свалиться.

>> Успех — это что? Признание?

Ну да, некое подобие славы. Если ты достиг этого своим трудом, ты к этому и относиться будешь спокойно. Если успех для тебя был самоцелью — достигаешь его и понимаешь: жизнь прошла и больше стремиться не к чему... Вот это самое страшное.

Общество и СМИ заставляют человека стремиться к публичному, «гордынному» успеху, но если человек знает, куда идет, ему некуда торопиться.

Церковь — это не институт, Церковь — это народ

>> Церковь часто кажется чем-то пугающим, далеким, непонятным и строгим. Институтом, который стремится нас «закабалить», подчинить правилам, лишить свободы...

Церковь — это не институт, Церковь — это народ. Наша ошибка в том, что мы воспринимаем Церковь как место работы священников, вот именно, как ИНСТИТУТ... Место, куда

>> Самое главное для человека, которому сейчас 17–20 лет, — не сделать успех своим идолом. Молодые должны быть дерзкими, они должны совершать поступки на грани обдуманного и чувственного. >>

мы приходим, как посторонние люди. Ничего подобного: мы, молодые, старые, неважно — это и есть Церковь, мы и есть Тело Христово, на нас всё зиждется, и священники появляются из этого же народа.

Чтобы достичь успеха — не поверхностного, а настоящего — нужно грести двумя веслами. Одно — это труд, а другое — молитва.

В университете перед каждым из студентов будет стоять выбор: ему погрузиться сейчас в знание или поверхностно скользить по всему этому. Кто будет скользить поверхностно, тот будет всегда испытывать неудобство, т. к. всегда будет надвигаться очередная сессия, очередные испытания, нужно будет получать оценки. А тот, кто погружается вглубь предмета и знания, вдруг начинает получать колоссальную радость от соприкосновения с ним.

>> Если успех для тебя был самоцелью — достигаешь его и понимаешь: жизнь прошла и больше стремиться не к чему... >>

Точно так же и с молитвой: когда ты в нее погружаешься, когда ты начинаешь быть совершенно в другой концентрации мыслей, чувств, тебе уже не скучно. Но очень важно туда войти. Поэтому очень важно, чтобы у нас были поводыри, которые могли бы нас туда провести. В мир молитвы и общения с Богом...

>> А как не бояться поводырей, т. е. священников? Может, мне не нужны посредники для обращения к Богу. Может быть, вообще не надо говорить о Боге, лезть

>> Наша ошибка в том, что мы воспринимаем Церковь как место работы священников, вот именно, как ИНСТИТУТ... >>

с проповедью? Кому надо — сами придут, когда надо, когда сами захотят, когда «прищемит»...

Может быть, придут, но не туда. Вопрос ведь — где прищемит, как? А если его прищемило, а он на наркотиках уже сидит? А если он уже насOVERшал глупостей? Украл? Или еще натворил? До какой степени его должно прищемить? У каждого свой путь в жизни: никого не заставишь идти каким-то «правильным» путем. Но Христос ведь посылает апостолов — первых миссионеров — свидетельствовать истину. А если никто этого делать не будет? Истина, конечно, не погибнет, но она может быть не принята и не распространена в той среде, которая будет нуждаться в ней.

Другой вопрос — как говорить об истине, о Церкви? Можно говорить с людьми о главном такими словами, которые только отпугнут. У нас часто так и происходит, когда молодежь не понимает, о чем говорится. Они нуждаются в переводчике, им нужен тот, с кем можно будет спокойно поговорить.

Не с точки зрения фейерверка

>> Чтобы достичь успеха — не поверхностного, а настоящего — нужно грести двумя веслами. Одно — это труд, а другое — молитва. >>

>> А каким Вы были студентом? Что было важным?

Наверное, жить... ну, как-то радостно, что ли. Не с точки зрения фейерверка какого-то... а внутреннего содержания.

>> Вы как-то совсем по-взрослому рассказываете...

Я закончил Одесский гидротехнический институт, было много путешествий, разных экспедиций. Для меня всегда было важно ощущение причастности к чему-то большому, а страна наша была великой, дело, которое мы делали, было великим.

>> То есть важными были советские идеалы?

Безусловно: 75–80-е годы всё-таки...

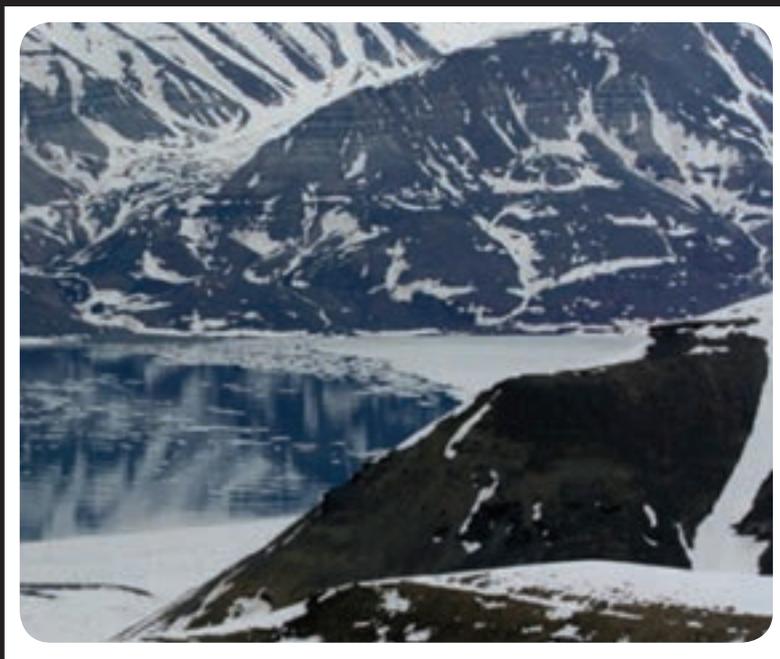
>> Мы очень интересно жили: опыта религиозного — никакого, но был опыт человеческого общения — дружили по-настоящему. >>

>> Застойные годы...

Не знаю... С точки зрения колбасы на прилавках, наверное, 75–80-е были застойные годы, а с точки зрения общения — совсем другое: мои лучшие друзья «родом» из того времени. Вот сейчас мой приятель вернулся из экспедиции в Арктику и с радостью рассказывал, что Россия начала возвращаться туда. Ведь мы прекрасно понимаем, что это площадка для будущего сражения за энергоресурсы и многое другое. Мы очень интересно жили: опыта религиозного — никакого, но был опыт человеческого общения — дружили по-настоящему.

Человек всегда чувствует предательство. Сколько угодно можно что-то скрывать, прятаться за фасадом политических задач, чего угодно. Но всегда понимаешь, что этот предаёт, что нам не быть с ним союзниками.

Важно, чтобы люди понимали: главная помощь и поддержка может прийти к ним от Бога. На что еще надеяться? Люди все слабые. Если человек ощущает, что Церковь искрен-

не к нему относится, что она борется за него, что она хотела бы эту душу спасти, что она готова отдать всё, что у нее есть, — материально помочь, участвовать всеми силами своими в его жизни: беседовать, объяснять, печатать и публиковать, показывать и т. д., то человек откликнется. Большинство людей ждут этого...

Я начал строить храмы

>> А как Вы пришли в Церковь?

А я... начал строить храмы.

>> ?

Я был редактором газеты «Молдавский металлург». Ко мне обратилась община с просьбой помочь выбить место под храм в Приднестровье. Поехал сначала к партийным руководителям, потом к городским, потом к республиканским, добиваясь того, чтобы храм с окраины перенести в центр города, где когда-то он стоял.

>> Когда люди начинают подстраиваться, искать формат «взаимовыгодного сотрудничества», обмена на ордена, должности, бизнес и т. д. — это ведет к загниванию. >>

>> Но сами Вы в храм еще не ходили?

Я не был церковным, но в детстве меня водили в церковь бабушки. Главное, чтобы всё было искренне. Когда люди начинают подстраиваться, искать формат «взаимовыгодного сотрудничества», обмена на ордена, должности, бизнес и т. д. — это ведет к загниванию.

Молодых ребят не должно пугать, что в церкви есть люди, которые могут казаться неприятными, нечестными. Ничего страшного в этом нет, это естественно. В какой-то момент приходят испытания и «всё это» отшелушивается и отваливается.

Сколько новомучеников в России? Не прошло и ста лет с тех пор, когда народ, казалось бы, отошел от Церкви, пошел на Великую смуту, революцию, а потом оказалось, что было столько людей, готовых стоять за Церковь и не отступить. Это очень важно, чтобы были такие люди.

>> Надо быть смелым и не бояться, что тебя могут обвинить в том, что ты ушел в Церковь, оторвался от всех ради своего интереса. >>

>> Сейчас распространены разговоры о том, что Церковь уж как-то слишком сблизилась с властью и даже заняла место ЦК...

Но это же очевидная неправда! Люди, которые так говорят, видят часто только московскую среду. А вы отъедьте куда-нибудь: даже в Московской области уже всё не так просто. Самое важное — то, что в большие праздники храмы полные: люди стоят на исповедь, идут к причастию, много детей. Теперь в храмах есть даже мужчины жизнеспособного возраста, не только старики и дети.

Надо быть смелым и не бояться, что тебя могут обвинить в том, что ты ушел в Церковь, оторвался от всех ради своего интереса. Надо быть смелым, чтобы идти к Богу!

>> Юлиана Годик, Алена Душка
>> Подготовила Мария Хорькова

Имитация бурной деятельности

Олег Андершанович Лекманов — профессор факультета журналистики МГУ, профессор РГГУ, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы.

Родился 11 января 1967 г. в Туапсе.

В 1991 г. окончил Московский педагогический государственный университет.

В 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию о книге Осипа Мандельштама «Камень».

В 2002 г. защитил докторскую диссертацию «Акмеизм как литературная школа (опыт структурной характеристики)».

Один из крупнейших современных специалистов по русской литературе XX века. Автор биографий С. А. Есенина (совместно с Михаилом Свердловым), О. Э. Мандельштама (в серии ЖЗЛ), более трехсот научных и литературно-критических статей.

Последние несколько лет проверяет вступительные сочинения в Московском университете.

Шесть лет подряд тысячи преподавателей били в набат, твердя одно: замена вступительных сочинений на ЕГЭ обернется катастрофой для российского образования. Чиновники услышали их вопль. Теперь у нас нет ни ЕГЭ, ни сочинения. Школьный курс литературы можно поглядеть, поцеловать и убрать на полку. О сложившемся положении размышляет профессор Московского университета Олег Андершанович Лекманов.

>> Олег Андершанович, Вы согласны с мнением, что отмена обязательного выпускного экзамена по литературе приведет к падению культурного уровня и умножению числа «гопников»?

Я бы воздержался от слов «гопники» или «быдло», потому что, мне кажется, всякое высокомерие неправильно. Но ситуация очень смешна и печальна одновременно. Большинство реформ, которые происходят и в среднем, и в высшем образовании, представляют собой кальку с западных практик.

Я не против нововведений, но, в-первых, в нынешней России почти все новшества оборачиваются тем, что преподавателям и студентам становится неудобно жить. А во-вторых, ничто не

должно совершаться механически. Часто забывается, что мы не имеем тех традиций, которые есть на Западе.

>> Что Вы имеете в виду? В чем различие российского и западного образования?

Я недавно перечитывал книжку нашего лучшего филолога, Михаила Леонovichа Гаспарова — «Записи и выписки». Он пишет об образованности американских и немецких студентов. Немецкие студенты — это плодородные дикие острова, оазисы с замечательными растениями: яблонями, грушами, бананами — а вокруг сухой песок. Если говорить об американском студенте, то это — мощное плоскогорье.

>> Я стал искать образ для нашего студента, и мне показалось, что это песочница. Чтобы не быть брюзгой-профессором, который ругает студентов, скажу: это же касается и преподавателей. >>

Я стал искать образ для нашего студента, и мне показалось, что это песочница. Чтобы не быть брюзгой-профессором, который ругает студентов, скажу: это же касается и преподавателей. Если брать американского студента-классика, немца и нашего, наш будет подготовлен хуже всего, и это почти наверняка.

>> То есть всё-таки есть чему поучиться у Запада?

Есть необходимость использования и западного опыта, только оно должно быть не механическим, а творческим.

Есть всё-таки русская традиция образования, котирующаяся в мире, и я в этом отношении скорее консерватор. Поменьше резких движений!

>> В силу идеологического пресса, цели были отвратительными, но очень отчетливыми: воспитать человека, которого легко было бы обманывать, держать в руках, которому можно было бы заплатить 100 рублей, а он бы ходил на демонстрации и кричал «ура!». >>

Почти не существует хороших учебников по литературе. В эту область, как всегда и бывает, кинулись халтурщики, которые написали кучу всяких учебников и пособий очень низкого качества.

>> Почему большинство учебников по литературе нигде не годятся?

Учебники по литературе, с которыми я сталкиваюсь, отличаются механическим сплыванием совершенно разных концепций. Есть старые советские учебники — схематичные, ужасные, но в них было хотя бы какое-то единство. Там всё шло от того, как писатель относился к советской власти, был он «за народ» или «против народа». А сейчас что сделали? Оставили одни ошметки, убрав самые одиозные фигуры. Вторая тенденция — так называемое православное литературоведение: почти механически добавлен, например, Шмелев. Единой концепции нет!

Главная проблема состоит даже не в том, какие в программе имена. Главное — чтобы дети не начинали ненавидеть литературу, что мы видим сплошь и рядом.

>> Есть мнение, что в советское время абитуриенты писали сочинения лучше. Вы согласны?

За вашим вопросом стоит другой вопрос — может быть, более важный: считаю ли я, что советское образование было лучше современного? Нет, не считаю. Здесь можно привести простейший пример: в моем поколении знание иностранного языка считалось подвигом. Сейчас, если спросить студентов, почти все знают один, а многие — два-три языка.

Сейчас советские проблемы во многом сняты — скажем, нет цензуры (я говорю только о литературе, не касаясь ситуации в СМИ): раньше, если в курсе XIX века еще были бесспорные имена, то в курсе XX века изучали таких авторов, которых мы сейчас просто не вспомним. Ситуация не хуже, чем была в Советском Союзе, но плоха по-другому.

>> В чем была цель советского образования, и отличается ли она от нынешних?

В силу идеологического пресса, цели были отвратительными, но очень отчетливыми: воспитать человека, которого легко было бы обманывать, держать в руках, которому можно было бы заплатить 100 рублей, а он бы ходил на

демонстрации и кричал «ура!».

Цель, которая стояла перед государством в ельцинскую эпоху, мне понятна: нужно было разметать старое, уничтожить Советский Союз и попытаться построить капитализм. Какие стоят цели перед нынешним государством — непонятно: всё, что говорится, похоже на яйцо всмятку. С одной стороны, мы строим правовое государство, с другой — у нас возрождаются «православие, самодержавие и народность». С третьей стороны, мы восстановили гимн Советского Союза (что меня, например, очень расстраивает).

Построенная таким образом программа не может быть хорошей.

>> Какой, на Ваш взгляд, должна быть цель образования?

Очень простой — просвещать людей. Набоков — не самый мой любимый писатель, но у него есть замечательная фраза: то государство хорошо, где портреты руководителей не больше почтовой марки. Чем меньше будет идеологии, тем, по-моему, будет лучше.

Единственная цель, которая может быть у меня в области профессионального совершенствования, — медленное просвещение. Вот вам пример. 1-й курс журфака МГУ пишет работу. И вдруг — вопрос: «Простите, не подскажете, Христос кого воскресил-то? Йорика, да?» Это первый курс университета, не школа!

Какая может быть идеология, если у нас студенты МГУ находятся на таком уровне? Я не говорю, что надо выгнать

>> Какие стоят цели перед нынешним государством — непонятно: всё, что говорится, похоже на яйцо всмятку. С одной стороны, мы строим правовое государство, с другой — у нас возрождаются «православие, самодержавие и народность». С третьей стороны, мы восстановили гимн Советского Союза (что меня, например, очень расстраивает). >>

поганой метлой, я не говорю, что человек поступил в вуз незаслуженно. Просто сначала нужно объяснить ему, что Христос воскресил Лазаря, показать соответствующие места из Евангелия.

>> Вот вам пример. 1-й курс журфака МГУ пишет работу. И вдруг — вопрос: «Простите, не подскажите, Христос кого воскресил-то? Йорика, да?» Это первый курс университета, не школа! Какая может быть идеология, если у нас студенты МГУ находятся на таком уровне? >>

И это — единственная задача, которая перед нами стоит. Давайте медленно, без криков и истерик, будем просвещать людей! Наша цель — чтобы человек, который в церкви стоит и поклоны земные кладет, когда выходит, не пихал бы нищего в грудь, а давал ему хотя бы рубль и не кричал бы при этом: «Я герой, смотрите все!». У нас очень много людей, говорящих высокие слова про Россию: «Зенит» выигрывает у «Манчестера» — все выбегают на улицы и машут флагами, Россия признает независимость Абхазии и Осетии — все кричат «ура!». При этом если любого из нас спросить о чем-то из истории России, результаты будут плачевными. Медленное просвещение — это единственное, что имеет смысл.

>> Зачем всё же писать сочинения? Ведь абитуриентское, как правило, оказывается «последним в жизни».

С одной стороны, действительно, человека с пятого класса учат писать сочинения, потом он пишет выпускное, вступительное и больше к этому никогда не возвращается. С другой стороны, те законы, по которым строится хорошее сочинение, никуда не исчезают при работе над курсовыми или дипломами.

Я могу сказать совершенно убежденно: сочинение может быть плохим, но это жанр, который в течение многих и многих лет отработывался. Где у нас учителя, которые готовят к ЕГЭ? Как будет готовить к нему Марья Петровна, которая в школе отработала 40 лет?

Давайте будем искать новые формы — я не против! Только сначала объясним Марье Петровне четко и ясно: вызовем ее на какие-нибудь курсы, причем не за ее, а за наш счет, и там пускай ей всё объяснят. Если мы готовы — давайте, вперед! А когда мы просто говорим «заменить!», то будет одно из двух: либо халтура, либо все вернется к прежней форме сочинения.

Главное, что давало нам обязательное написание сочинения, — человек сам внимательно читал текст. А отмена сочинения — помимо того, что есть много хороших учителей литературы, и непонятно, что им теперь делать — создает ситуацию, когда предлагается набор тестов, а читать совершенно необязательно!

>> Можно ли составить тест так, чтобы понять, читал абитуриент текст или нет?

Наверное, можно. Я бы сказал так: тест — это неплохо, только этого недостаточно. Я практикую это и в МГУ, и в РГГУ на своих семинарах: перед тем, как сдавать экзамен, студенты должны определить 5 фрагментов текста — ответить, кто их автор и из какого произведения они взяты. Но этого недостаточно, чтобы сдать экзамен.

Есть и обратная крайность, на которую, кстати, провоцирует сочинение, — вдаваться в рассуждения о том, как Бог и дьявол борются за душу Раскольникова, при этом не читая текста и не говоря ни о чем конкретно. Можно ли составить тесты, чтобы понять уровень знания текста? Честно сказать, я в это дело не лезу. Могу только констатировать: тесты, которые есть сейчас, этой задачи не выполняют.

>> В этом году ЕГЭ ввели уже повсеместно. Это было заметно по текстам абитуриентских сочинений?

Да нет. Думаю, что этот вопрос слишком рано задан. Ведь это только первый год введения такой формы экзаменов.

>> У нас очень много людей, говорящих высокие слова про Россию: «Зенит» выигрывает у «Манчестера» — все выбегают на улицы и машут флагами, Россия признает независимость Абхазии и Осетии — все кричат «ура!». При этом если любого из нас спросить о чем-то из истории России, результаты будут плачевными. >>

>> По сочинению часто можно заметить, что абитуриент списывал?

Понимаете, дело в том, что списывают чаще всего с одних и тех же источников, поэтому сгустки одинакового текста показывают, что абитуриент списал. Другое дело, что это иногда не имеет большого практического значения. Приведу один пример: на одном из факультетов МГУ я проверял сочинение, по которому понял, что

оно, скорее всего, списано. Рядом был интернет, я пошел, «забил» в поисковик фразу из этого сочинения, и оказалось, что действительно списано. Но в приемной комиссии факультета нас попросили это сочинение пропустить, потому что конкурс был настолько маленьким, что они готовы были зачислить и такого абитуриента.

>> Можно ли составить тесты, чтобы понять уровень знания текста? Честно сказать, я в это дело не лезу. Могу только констатировать: тесты, которые есть сейчас, этой задачи не выполняют. >>>

Вообще проблема перекачивания из интернета представляется одной из самых серьезных и неприятных, потому что раньше в списывании был хоть какой-то смысл. Когда делаешь конспект, переписываешь, то хоть что-то запоминаешь, что-то остается в голове. Когда же нажимаешь две кнопки и текст целиком перенос-

>> В последнее время многие преподаватели отмечают падение общего уровня подготовки студентов от года к году. Вы с этим согласны?

Нет, не согласен. Мое твердое ощущение состоит в том, что на каждом курсе есть 15–20 человек, которые учатся, и остальные, которые пришли сюда с какими-то другими целями (я говорю о своем предмете: возможно, что, например, с языками дело обстоит по-другому). Так было в мое время и так остается сейчас; думаю, здесь кардинально ничего не меняется. Но если ситуация относительно литературы будет такой, как мы описали, общий уровень, конечно, заметно ухудшится.

>> Беседовал Даниил Сидоров

>> У меня были случаи, когда мальчик сдавал реферат, а там вся работа была написана от женского лица: он даже не озаботился тем, чтобы прочесть то, что сдает. Здесь не обязательно изобретать велосипед. В некоторых западных вузах есть целые отделы, которые занимаются проверкой тем с использованием интернета. Думаю, эта практика должна быть введена и у нас. >>>

ЭТОТ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ ЧИТАЙТЕ НА САЙТЕ «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ» — www.TADAY.ru

Анна Ахматова (как сказал О. Мандельштам, — «трагический тенор эпохи»¹) родилась и выросла в Крыму². Казалось бы, тепло и хорошо. Но из Крыма судьба перенесла Ахматову в заснеженный Петроград³. В тюремные очереди⁴.

¹ Это сказала сама Анна Андреевна об Александре Блоке.

² Ахматова родилась под Одессой, а выросла в Царском Селе.

³ Надо ли объяснять, что в конце XIX века город назывался немного по-другому?

⁴ Еще один анахронизм. Впрочем, не последний.

сится, то ты вообще можешь в него не заглядывать. У меня были случаи, когда мальчик сдавал реферат, а там вся работа была написана от женского лица: он даже не озаботился тем, чтобы прочесть то, что сдает. Здесь не обязательно изобретать велосипед. В некоторых западных вузах есть целые отделы, которые занимаются проверкой тем с использованием интернета. Думаю, эта практика должна быть введена и у нас.

«Руки по колено в крови» (Цитаты из сочинений абитуриентов)

Когда, как не при написании сочинения, можно почувствовать себя настоящим творцом, померяться силами с классиками? О чем только ни расскажет дерзновенное абитуриентское перо, да так, что проверяющие работу преподаватели то всплачут, то... возрадутся.

>>>
Вот, например, Илья Ильич Обломов и его диван. Какими словами описать их отношения?

«Обломов рос в постольном бездельи и ленивостях», «в детстве он (Обломов) был подвижен, но Обломовка и по мамию обрекла его на такую жизнь, что впоследствии и воздействовало на его психику».

Обломов «не умеет ничего больше, как прохромать своего дивана». И как только диван не воспламенился?

>>>
Другие же герои романа вызывают у авторов сочинений подлинное благоговение:

«Итальянскому: <...> ноги его в это время бегает на коньках, звук убивает Олгу, а уш занят доходящими предпрятиями».

Кстати, о руках: «Клеветать личности, у которой руки по колено в крови»
Не правда ли?

>>>
Простой народ тоже не обойден вниманием писателей и читателей, которые всячески сочувствуют его горькой судьбе:

«...Крестьяне осенью раздевали, а весной одевали по ла».
«...селян крестьяне по ла рожь, потому что пашенну потом забывают пашенки, табак потом по 10 раз на год

неле большие пироги со свечками и ести их вместе с такими же калачиками и слава-выми гостями»;
«Среди народотх масс в пессе существует мракобесие». Плюшкин имел «своише толщи тасто умирающих крестьян», а Чичиков «когет купити у Короовки се мертвотх мужики, а она предлагает ему вместе с ней свою шертотх и пенку».

>>>
Русским женщинам тоже жилось нелегко: «Татьянка заперта в деревне среди диких людей»;
В семье Курагиных «мать забивает своей молодой дочери, потому что дочь становится всё лучше, а братья хотя и хорошие лекари, но паршивый космолог». «В „Трастунякиши и наказания“ перед нами предстают ушак галерея русских женщин: блудница Софья, убитая неужинья Катерина Ивановна и Алена Иванова» убитая топороши Агуавена Ивановна...».

>>>
А если сочинение написано с душой, это сразу видно: «Опокин – креативный молодой человек со своеобразной точкой зрения и нестандартными движениями», «Баш представляем собой консервативную сетевую тусовку».

>>>
Произведения русской классики, несомненно, дают исчерпывающие сведения о трудовой и прочей полезной деятельности всех слоев населения. Так «И император как бы является главным патриотом страны по своему положению», «Достоевский считает Наполеона неисправным крестьянином», «Называется аристократом, человеком высшего слоя, дворянства, человек должен что-нибудь делать для пользы государства или хотя бы посещать светские балы». А разночинец Базаров, как известно, «узнавал нигилизмом, как цемент, все возможные вещи, из которых складывал дух отцовства».

>>>
И не забывайте, что из каждого произведения русской классики читатель «впитывает глубокий нравственный урок».

О вере, неверии и Церкви от создателя «Властелина Колец»

Толкин писал не только фэнтези, но и письма. Причем он умел и любил писать письма своим детям. И в них мы видим Толкина не только писателем, но и отцом, ученым, христианином.

Из письма к Майклу Толкину

1 ноября 1963

Преданность «науке» как таковой, без оглядки на собственную репутацию, — это высокое и в некотором смысле даже духовное призвание; а поскольку оно «высокое», оно неизбежно принижается самозванными собратями, усталыми собратями, жадной денег (или даже вполне оправданной потребностью

>> Преданность «науке» как таковой, без оглядки на собственную репутацию, — это высокое и в некотором смысле даже духовное призвание; а поскольку оно «высокое», оно неизбежно принижается самозванными собратями, усталыми собратями, жадной денег и гордыней... >>

в деньгах) и гордыней; людьми, которые говорят: «мой предмет», — и вовсе не имеют в виду «предмет, которым я смиренно занимаюсь», но «предмет, который я собою украшаю» или «сделал своим». Разумеется, в университетах

такая преданность обычно унижена и запятнана. Однако она по-прежнему жива. Если с отвращением закрыть университеты, она исчезнет с земли — до тех пор, пока университеты не возродятся и в свой срок снова не падут жертвами морального разложения. Куда более возвышенная преданность религии не в силах избежать той же участи. Ее, конечно же, в определенной степени принижают все «профессионалы» (и все практикующие христиане), а кое-кто в разные времена и в разных местах бурно негодует; а поскольку

цель — выше, недостаток представляется куда худшим (и таков и есть). Но нельзя сохранить традицию учености или истинной науки без школ и университетов, а это подразумевает преподавателей и донов. Нельзя сохранить религию без Церкви и церковных служителей, а это означает профессионалов: священников и епископов, а также монахов. (По крайней мере, некогда они со всей определенностью были необходимы. И если сегодня нас огорчают или порой шокируют те, кого мы видим близ-

ко, думается мне, нам должно вспомнить о том, в каком великом долгу мы перед бенедиктинцами. А также о том, что (подобно Церкви) они постоянно поддавались мамоне и миру, но так и не поддались окончательно. Внутреннее пламя не удалось загасить). Драгоценное вино не может (в этом мире) храниться без бутылки (мерзкая паутина, пыль и запачканная этикетка не обязатель-

но служат показателем испортившегося содержимого для тех, кто умеет извлекать старые пробки) или какого-нибудь менее достойного сосуда. Что до меня, я обнаружил, что цинизма у меня скорее убавляется, чем прибавляется, когда я вспоминаю собственные свои грехи и глупости; и сознаю, что сердца

>> ...сердца человеческие зачастую не так плохи, как поступки, и очень редко так плохи, как слова. >>

человеческие зачастую не так плохи, как поступки, и очень редко так плохи, как слова. (Особенно в нашу эпоху, эпоху глумления и цинизма. Мы свободнее от лицемерия, поскольку «не годится» щеголять праведностью или изрекать высокие слова; но это «лицемерие наоборот» подобно широко распространенному «снобизму наоборот»: люди притворяются хуже, чем есть на самом деле...).

Однако же ты говоришь о «слабеющей вере». Это совсем другое дело. В качестве последнего прибежища вера — это акт воли, вдохновленный любовью. Нашу любовь возможно охладить, а волю — подорвать зрелищем недостатков, глупости и даже грехов Церкви и ее служителей, но я не думаю, что человек, некогда обладавший верой, повернет вспять в силу этих причин (и менее всего — тот, кто хоть сколько-то знаком с историей). «Возмутительный факт», самое большее, — повод для искушения, как непристойность — для похоти; первое не создает второе, но пробуждает. Это удобно, потому что обычно отвращает наш взор от нас самих и наших собственных недостатков в поисках козла отпущения. Но вера как акт воли — это не один-единственный момент принятия окончательного решения: это постоянный, повторяемый до бесконечности акт; состояние, которому должно длиться, — так что мы молимся о «неослабном упорстве». Искушение «неверия» (что на самом деле означает отвергнуть Господа нашего и Его веления) всегда здесь, внутри нас. Некая наша часть жаждет найти ему оправдание за пределами нас. И чем сильнее внутреннее искушение, тем с большей готовностью, тем более

непримиримо мы бываем «возмущены» поступками других. Думаю, я столь же чувствителен, как и ты (или любой другой христианин), к «возмутительным фактам», связанным как со священством, так и с мирянами. Мне в жизни пришлось немало пострадать от глупых, усталых, охладевших и даже дурных священников; но теперь я знаю себя достаточно хорошо, чтобы понимать: мне не должно оставлять Церковь (что для меня означало бы оставить служение Господу нашему) в силу подобных причин; оставить Церковь мне следовало бы лишь в том случае, если бы я перестал верить, и мне не следовало бы уверовать вновь, даже если бы я в жизни не встретил среди церковнослужителей никого, кто не был бы мудр и праведен. То есть я бы отрекся от Святого Причастия: в лицо назвал бы Господа нашего обманщиком.

Если Он — обманщик, а Евангелия — лишь подделка, то есть фальсифицированные рассказы о безумце, страдающем манией величия (а это — единственная альтернатива), тогда, конечно же, то зрелище, что являет собою Церковь (в смысле, священство) в истории и сегодня, — просто-напросто свидетельство

>> Требуется фантастическая воля к неверию, чтобы предположить, будто Иисус на самом деле никогда не «существовал». >>

грандиозного мошенничества. Однако если нет, то зрелище это, увы! — лишь то, чего следовало ожидать: началось это еще до первой Пасхи и веру вообще

не затрагивает — разве что в том, что мы можем и должны глубоко огорчаться. Но огорчаться нам следует во имя Господа нашего и за Него, ассоциируя себя самих с беззаконниками, а не со святыми, и не восклицая, что мы никак не можем «принять» Иуду Искариота, или даже нелепого, трусоватого Симона Петра, или глупых женщин, вроде матери Иакова, что пыталась «продвигать» своих сыновей.

Требуется фантастическая воля к неверию, чтобы предположить, будто Иисус на самом деле никогда не «существовал», и более того — предположить, будто Он не говорил ничего из того, что о Нем написано; настолько невероятно, чтобы в те времена в мире нашелся хоть кто-либо, способный такое «выдумать»: как, например, «прежде нежели был Авраам, Я есмь»... «Видевший Меня видел Отца»; или провозглашение Святого Причастия у Иоанна: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную». Потому мы должны либо уверовать в Него и в то, что Он говорил, и принять последствия; либо отвергнуть Его и опять-таки принять последствия. Мне, например, трудно поверить, что кто-либо, однажды приступивший к Причастию, хотя бы только раз и по меньшей мере с правильным намерением, сможет когда-либо вновь отвергнуть Его, не запятнав себя тяжким грехом. (Однако ж каждая отдельная душа и ее обстоятельства ведомы Ему одному).

Единственное лекарство для слабеющей и убывающей веры — это приобщение Святых Таинств. Несмотря на то, что Святое Причастие всегда остается самим собою, совершенным, цельным и нерушимым, оно не действует окончательно и раз и навсегда на кого бы то ни было из нас. Подобно акту веры, воздействие его должно быть непрерывным и возрастать по мере повторения.

ЭТОТ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ ЧИТАЙТЕ НА САЙТЕ «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ» — www.TADAY.ru

В энный раз пробегая от «Библиотеки Леннона» к «Охотному» (или обратно) по Моховой, заворачивая к Консерватории/«Шоколаднице», что на Большой Никитской, можно долго не обращать внимания на здание, расположенное на пересечении этих двух улиц (**точный адрес: Б. Никитская, д. 1**), и указывающую на него табличку «Домовый храм мц. Татианы при МГУ». А обратишь — задумаешься: причем здесь МГУ? Почему **«домовый»**?

На самом деле, храм при Московском университете существует почти со времени его основания. Почему «почти»? Вначале у Университета не было своего здания не только для молитвы, но и для занятий. Лишь спустя тридцать лет после открытия он обрел собственные стены. Однако первое здание Университета и располагавшийся в нем домовый храм сгорели во время московского пожара 1812 года.

В 1832 году Николай I купил для Университета усадьбу Пашковых (**сегодня в этом здании на Моховой «живет» журфак МГУ**). Чтобы приспособить усадьбу к университетским нуждам, здание перестроили: главный усадебный дом превратили в Аудиторный корпус, левый флигель — в библиотеку, а театральный (правый) флигель — в Университетскую церковь. **Храм освятил в 1837 году свт. Филарет, Митрополит Московский**, с которым, между прочим, переписывался и чьи проповеди очень любил **А. С. Пушкин**.

Из-за «театрального» прошлого планировка и интерьер храма приметно отличались от «традиционных»: не было

ни купола-луковки, ни сводчатого потолка... Однако крест и надпись **«Свет Христов просвещает всех»** на аттике однозначно указывали на назначение здания. И сегодня храм узнается по этим деталям, которые воссозданы относительно недавно.

Почему воссозданы? При советской власти храм, расположенный в центре Москвы при главном вузе страны, естественно, был закрыт. **Это случилось в 1918 году**. А уже в 1919 здесь разместили читальный зал (заменяв фронтонную

История одного флигеля

(о домовом храме МГУ)

тонную надпись о просвещающем Христовом Свете на лозунг **«Наука — трудящимся»**), в 1922 — клуб, в 1958 — Студенческий театр МГУ.

Нельзя не признать, что «театральный проект» оказался удачным. Первым руководителем стал Ролан Быков, здесь «воспитали» много известных

актеров: **Аллу Демидову, Александра Филиппенко, Марка Захарова**. Имена эти не требуют комментариев. В хрущевскую «оттепель» театр был настоящей отдушиной для творческой молодежи. Однако в начале 1990-х годов уровень постановок, мягко говоря, снизился, к тому же театр не миновала коммерческая лихорадка. Здесь даже прошла выставка породистых собак, входной билет на которую стоил **\$100**, что явно было рассчитано не на тянувшихся к «очагу культуры» студентов... Тогда многие не без

Храм св. мц. Татианы при МГУ им. Ломоносова расположен по адресу: ул. Б. Никитская, д. 1. (левый флигель журфака МГУ), м. «Библиотека имени Ленина», «Александровский сад», «Боровицкая» или «Охотный ряд». Тел.: 8 (495) 629-46-12 сайт: www.st-tatiana.ru

оснований полагали, что в скором времени **на углу Моховой и Б. Никитской появится элитный ночной клуб**, ведь его расположение — в самом центре Москвы — к этому располагало. Но время расставило всё по своим местам.

Так для чего Университету был нужен храм и нужен ли он сейчас? В далеком 1784 году директор Московского университета П. И. Фонвизин (родной брат автора «Недоросля») писал, что эта церковь нужна **«для исполнения христианской должности»**, а ее настоятель должен иметь **«все законы и способности к наставлению в законе обучающегося юношества»**, чтобы быть духовником студентов и преподавателей. Вот и один из ответов на вопрос о необходимости именно университетской церкви: интеллигенция, как ни крути, требует особого внимания и обращения. В этом — главная миссия домового храма, его призвание и забота. К тому же, учащие и учащиеся университета не случайно именуются «корпорацией» (**от лат. corporatio — «объединение»**). Они — одно целое. С общим домом и одной Alma Mater. Разве не естественно им быть вместе и во время служб (название Литургии — главного христианского богослужения — в переводе с греческого и означает «общее дело»)? Во время каждого богослужения в храме мц. Татианы поминаются «зде учащие и учащиеся» (о здравии) и «учившие и учившиеся» (об упокоении). А кому из учащих, учащихся, учивших и учившихся в Университете это не нужно? **Кто и где еще молитвенно будет помянуть так — до скончания дней? И после их «скончания»?**

А что касается того, зачем храм вообще... Это трудно выразить словами, особенно в такой заметке, но... **«в затруднениях..., во искушениях своих притекайте к сему святилищу и открывайте свои нужды с сыновней свободностию»**, — разве эти слова митрополита Платона, сказанные на освящении церкви св. мц. Татианы, (не имею в виду стиль) устарели?

История студенческой церкви МГУ в датах

1791 г. В левом флигеле университетского здания на Моховой улице устроена первая церковь во имя мученицы Татианы (автор проекта — Антон Клауди).

Храм освящал выдающийся церковный деятель митрополит Платон (Левшин).

1812 г. В дни, когда Москва была захвачена французами, Татианинская церковь сгорела вместе с основными зданиями университета. Студенческим храмом временно стала Георгиевская церковь на Красной горке.

1832 г. Николай I купил для Университета усадьбу В. А. Пашкова на Моховой улице.

1833–1836 гг. Е. Д. Тюрин перестраивает центральное здание усадьбы в Аудиторный корпус университета, левый флигель — в библиотеку, а правый (раньше здесь находился Московский Императорский театр, актеры которого составили труппы Большого и Малого) — в студенческую церковь.

12 (25) сентября 1837 г. Новое здание Татианинской церкви освятил святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. Храм расписан художниками Клаудии и Ланжелотти; в интерьере использованы скульптуры Витали и иконы Рубио.

1852 г. В храме отпевали Н. В. Гоголя.

1855 г. Профессор Московского университета М. П. Погодин передал в дар университетскому храму первую святыню — частицу мощей св. Кирилла, хранившихся в Пражском соборе.

1879 г. В храме отпевали великого историка, профессора С. М. Соловьева.

1892 г. В храме отпели воспитанника университета А. А. Фета.

1892 г. В храме крестили дочь профессора И. И. Цветаева Марину.

1896 г. В храме прощались с прославленным физиком, профессором А. Г. Столетовым.

1911 г. В храме отпели великого историка, профессора В. О. Ключевского. В этом же году отмечали двухсотлетний юбилей М. В. Ломоносова.

1913 г. На аттике храма установлены крест и надпись «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ».

Январь 1918 г. Вышел большевистский декрет об отделении Церкви от государства и школы — от Церкви.

1918 г. Татянинский храм закрыт. Ректору Университета подано заявление от 175 прихожан «с просьбой возбудить ходатайство о признании этого храма приходской церковью Университетского района».

8 июля 1919 г. Вышло постановление Совнаркома о закрытии университетской церкви.

Ночь с 17 на 18 июля 1919 г.
Удалены икона и буквы надписи с аттика здания.

3 октября 1919 г.
Община университетского прихода причислена к Георгиевской церкви на Красной Горке.

1919 г. В помещении церкви устроен читальный зал. На фронте здания сделали новую надпись: «Наука — трудящимся».

1922 г. В здании церкви открыт клуб.

1932 г. Георгиевская церковь разрушена.

Богослужения в университетском храме

Вторник и пятница
вечерня с акафистом в 18-00.
Понедельник, среда, пятница и суббота
Исповедь, Часы
и Божественная литургия в 7-30.
Суббота
Всенощное бдение в 17-00.
Воскресенье
две Божественные литургии
в 7-00 и в 9-30,
вечерня и утреня в 17-00.

В дни церковных праздников
служится Божественная литургия
по расписанию, а накануне —
Всенощное бдение в 18-00.
Молебны и панихиды совершаются
после каждого утреннего
богослужения.

Подробнее в разделе «Расписание
служб» на сайте www.st-tatiana.ru

6 мая 1958 г. Актриса Александра Александровна Яблочкина торжественно разрешила ленту и открыла Студенческий театр в здании Татианинской церкви.

25 января 1991 г. В здании храма Патриарх Алексий II отслужил молебен с акафистом мученице Татиане.

Осень 1992 г. Профессор Московского университета Г. А. Любимов выступил с предложением воссоздать домовую церковь мученицы Татианы.

20 декабря 1993 г. Ученый Совет МГУ принял решение «О восстановлении в прежнем виде архитектурного памятника на ул. Герцена, д. 1, о воссоздании в этом здании православной домово́й церкви Московского университета и размещении в других помещениях этого здания музейных экспозиций МГУ».

Май 1994 — январь 1995 г. Шло противостояние общины церкви и коллектива Студенческого театра МГУ.

22 января 1995 г. В день памяти святителя Филиппа здание возвращено Церкви. С первого же месяца существования храма мученицы Татианы начинает издаваться газета православного студенчества «Татьянин день».

23 апреля 1995 г. Впервые после 77-летнего перерыва Божественная Литургия прошла в верхнем храме.

1998 г. Освящена наружная мозаичная икона мученицы Татианы на фронто́не храма.

2 декабря 2000 г. В цокольном этаже освящен нижний храм во имя святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского.

2001 г. На аттике храма восстановлена надпись.

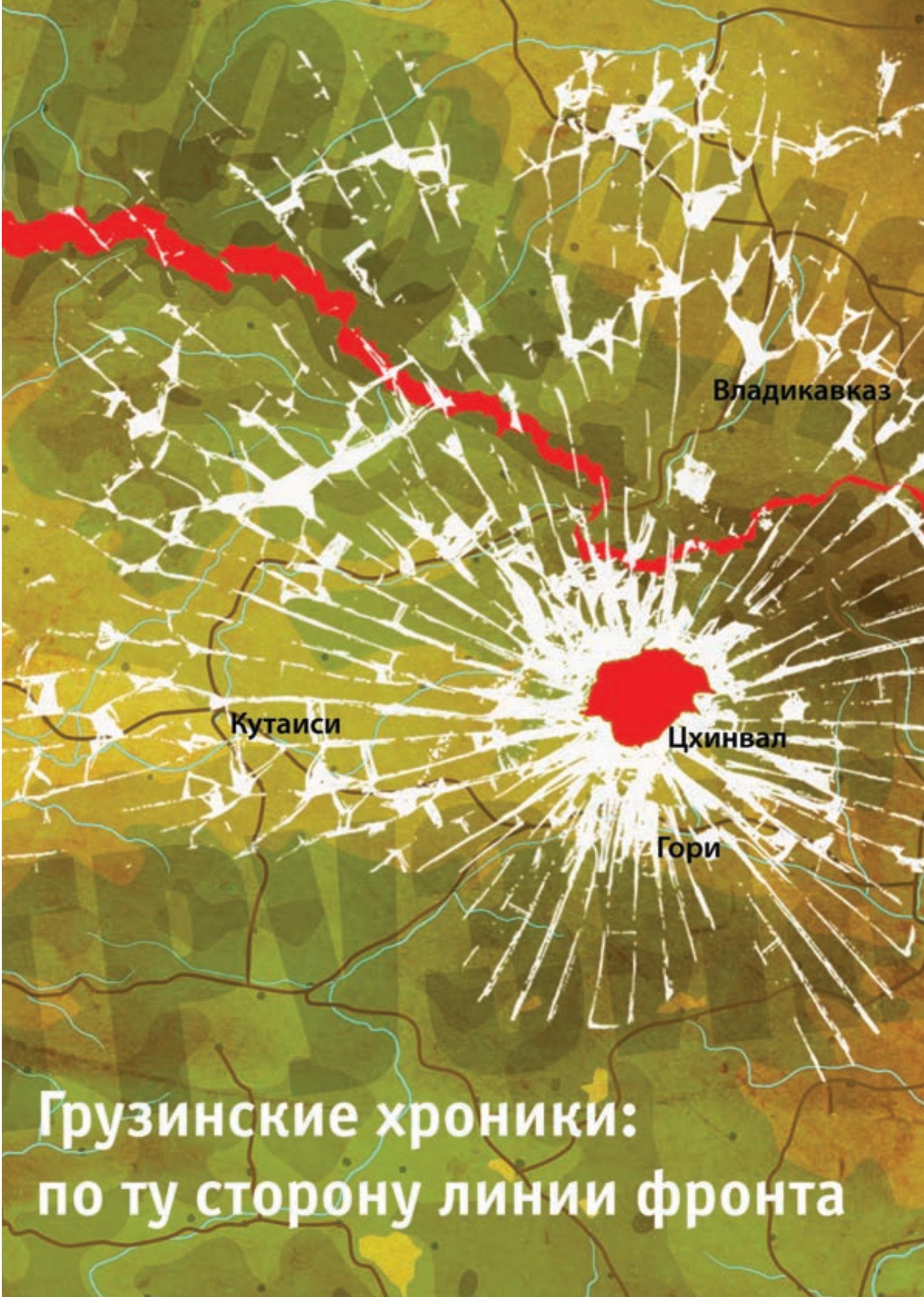
2002 г. Над аттиком воссоздан в исторических формах литой бронзовый крест.

2004 г. Святейший Патриарх Алексий II совершил великое освящение верхнего храма.

2007 г. Начато возрождение настенной лепнины и фресок XIX в.

Главный праздник храма — **день мученицы Татианы**. Церковное торжество начинается накануне вечером — **24 января**. В сам Татьянин день в храме служит **Святейший Патриарх**. На праздничную Литургию **25 января** собираются более полутора тысяч молящихся.

Каждый день с понедельника по субботу **с 14-00 до 18-00** в храме дежурит один из священников. Любой пришедший может побеседовать, задать вопросы, исповедоваться. К священнику можно также обратиться в воскресенье или в субботу до или после богослужения.

Владикавказ

Кутаиси

Цхинвал

Гори

**Грузинские хроники:
по ту сторону линии фронта**

Августовская война между Грузией и Осетией стала топовым информационным поводом для СМИ всего мира. Нам предлагались разные факты и разные их трактовки. Но чего действительно не хватало (и что никогда не бывает лишним), так это свидетельства очевидца. Не занимавшего ничьей стороны. Не принимавшего участия в военных действиях, но видевшего войну близко — так, как увидели бы ее мы, если бы, подобно нашему герою, случайно оказались в Грузии в момент начала военных действий.

Ни раньше, ни потом я не считаю возможным обсуждать политические вопросы, связанные с данной ситуацией. Думаю, что Господь привел меня в Грузию в это время не для того, чтобы я обсуждал или осуждал действия той или иной стороны. Я не солдат, не политик. Я священник и монах, и именно в этих качествах я должен был искать свое место внутри той ситуации, в которой оказался. И моим твердым убеждением является то, что для Христа врагов нет.

...утром мы узнали, что грузинские войска штурмуют Цхинвал. Так, в одном из труднодоступных и удаленных мест — женском монастыре Вардзия — произошло первое близкое соприкосновение с войной. Мы увидели одну из монахинь — бледную и еле сдерживающую слезы. Она рассказала нам, что снаряд, разорвавшийся буквально несколько минут назад под Цхинвалом на территории одной из деревень, убил ее бывшего соседа. В стране, общей протяженностью немногим более 400 км, где родовые и общинные связи ценятся и хранятся, смерть соседа равнозначна смерти близкого человека.

>> ...утром мы узнали, что грузинские войска штурмуют Цхинвал. >>

С этого момента всё внимание нашей поездки было переключено на то, что происходило в нескольких десятках километров от нас. Не работало радио.

Сложно осознать, что мост от Гори, через который ехала наша маршрутка, через какие-нибудь 4 часа был уничтожен бомбой.

Периодически и надолго отключалась мобильная связь. Нервную тишину нарушали лишь иногда сжато выражаемые нашим гидом размышления о том, что страна, такая как Осетия, которую армия способна полностью захватить за несколько часов боя, — это не страна, и что теперь всё будет зависеть от того, какую позицию займет в конфликте Россия.

>> В стране, общей протяженностью немногим более 400 км, где родовые и общинные связи ценятся и хранятся, смерть соседа равнозначна смерти близкого человека. >>

Сведения, получаемые в краткие моменты работы связи, были противоречивыми. Друзья и знакомые попеременно сообщали, что дорога через Гори то перекрыта, то свободна, и для нас, так как Гори лежал на полпути к Тбилиси, куда мы направлялись, эта неразбериха была особенно удручающей. Некоторое время еще можно было выйти в Интернет через российскую сим-карту, но связь продолжала периодически прерываться, а ситуация в Цхинвале на этот момент, видимо, была еще загадкой если не для противоборствующих армий, то, во всяком случае, для журналистов обеих сторон.

Бегущая к Тбилиси маршрутка вносила в потерявшую стабильность жизнь ощущение хотя бы временной определенности и порядка, только один раз нарушенное видом проезжавшего мимо железнодорожного состава, транспортировавшего грузинские танки. Около девяти вечера, когда на улице было уже темно, наша машина въехала в Гори.

Как человеческое лицо окрашивается изнутри преобладающей, но сдерживаемой эмоцией, так постепенно менялся весь город. Казалось, ничего еще существенно не изменилось, но в каждом здании, в дрожи ветвей дере-

вьев, в жестах встречаемых нами людей читалось приближение угрозы.

На остановке в нашу маршруткусел грузинский солдат. Люди раздвинулись, освободив ему кресло, и, дождавшись, когда он снимет каску и устроит рядом непропорционально большой для мирной маршрутки автомат, стали тихонько расспрашивать о последних новостях. Так мы в первый раз узнали о том, что грузинская армия отступила к Гори, а среди солдат много убитых и раненых.

>> Мы в первый раз узнали о том, что грузинская армия отступила к Гори, а среди солдат много убитых и раненых. >>

Потом кто-то расскажет мне, что Саакашвили, в течение всего лишь нескольких часов после начала боев объявивший и закончивший всеобщую мобилизацию, выдвинул на переднюю линию фронта именно резервистов, сохраняя основные армейские части для последующих боев. Мы ехали по той самой дороге, на которую через несколько дней — вопреки официальным сводкам — всё-таки выйдет российская армия, оттеснив грузинские военные части. Гори. Место рождения Сталина. Около шестидесяти километров до Тбилиси. Менее часа езды на машине. Расстояние, на 2/3 покрываемое гаубичным залпом.

Город не мог уснуть. Телевещание из России отключено. Новости транслировались только по грузинским телеканалам и CNN. Информации о боевых действиях грузинской армии практически не было. Складывалось ощущение, что о том, что вся военная кампания была начата грузинской стороной, никто уже не помнил. Это уже не было развитием первичного захвата Цхинвала грузинами. Это была война, которую, согласно общественному восприятию, начала Россия с целью аннексии Грузии.

Грузины произвели на меня впечатление людей намного более церковных, чем жители России. Кадры, показанные по грузинскому телевидению и наверняка транслировавшиеся по российским каналам (съёмка с вертолета охваченного огнем города, в котором только вокруг церкви толпятся стремящиеся укрыться в них люди), как мне кажется, очень четко определяют систему ценностей общества. Мне хочется надеяться, что в минуту опасности и русские люди, движимые желанием спастись или встретить смерть на церковной земле, будут спешить в храмы.

Грузия — маленькая страна. На хорошей машине за 8–10 часов ее можно полностью пересечь от западной границы до восточной. Чувство национальной общности, свойственное народам Кавказа, обостряло восприятие происходящего как события, кровно касающегося каждого.

Каждое утро, когда всходило солнце, казалось, что никакой войны нет, что всё, произошедшее вчера, — это какой-то фильм, результат болезненного воображения режиссера. И только позже приходили известия, сразу рвавшие уютную летнюю обыденность. Так, например, пришли новости о бомбежках портов под Батуми и Тбилиси.

Нам удалось дозвониться до цхинвальского митрополита Исаяи. Резиденция владыки находилась в городе Никози, расположенном в непосредственной близости от Цхинвала. С момента начала войны храм был постоянно полон: в нем прятались от бомбежек местные жители, владыка ежедневно служил для них Литургию.

>> Это уже не было развитием первичного захвата Цхинвала грузинами. Это была война, которую, согласно общественному восприятию, начала Россия с целью аннексии Грузии. >>

Здания церкви и резиденции — одни из самых высоких в этом маленькой городишке. Видимо, это и стало причиной того, что все они в первые же часы боев в Никози были уничтожены артиллерийским огнем. Я не знаю, что стало с людьми, надеявшимися спастись под церковными сводами. Я знаю, что митрополит Исаяя получил благословение Патриарха Илии не покидать своей епархии и, исполняя это благословение, в течение всей активной фазы боевых действий находился с несколькими монахинями на развалинах своего храма, вплоть до момента,

когда все эти люди были принудительно эвакуированы российскими войсками.

>> С момента начала войны храм был постоянно полон: в нем прятались от бомбежек местные жители. >>>

Добрались до монастыря Зидазени, расположенного на горе в нескольких километрах от Тбилиси. Не имея телевидения, радио и даже машины, чтобы выбраться в город, братья, тем не менее, каким-то путями узнавала основные новости и регулярно выходила на край обрыва, с которого открывался замечательный вид на Тбилиси — смотреть, не летят ли российские самолеты.

Вечером в нашем доме раздался звонок. Звонил близкий родственник моих хозяев — полицейский, стоявший во внешнем кольце оцепления Гори. Он сообщил, что город окончательно пал и русские войска вышли на дорогу к Тбилиси. Через некоторое время станет понятно, что они собираются предпринять дальше, однако в случае их продвижения по направлению к городу этот человек обещал приехать и забрать семью моих хозяев в безопасное место. Вскоре после этого звонка Саакашвили выступил по телевидению со срочным обращением, подтверждавшим информацию о начале наступления на город. Всего через пару часов он снова появится на телеэкране, опровергая поспешно сказанные слова, однако этого времени оказалось достаточно, чтобы вызвать панику в городе.

Звонок от полицейского задерживался. Нам ничего не оставалось, как обсуждать другие варианты действий. Провести эту ночь в кафедральном соборе Тбилиси? Искать ночлега на территории резиденции Патриарха Илии? Мои гости-приимные хозяева связались с начальником канцелярии Патриарха, который

Очень рад, что в дни боевых действий мне случилось быть в Грузии. Как бы ни разделяли нас политические, национальные или любые другие конфликты, я постараюсь никогда не забыть то, чему научили меня эти люди, и, сколько даст Бог сил и памяти, буду поминать всех тех, кого встретил на земле Иверии, как моих близких друзей, братьев и сестер, за судьбу которых и сегодня болит сердце.

и передал Святейшему этот вопрос. Ответ Патриарха лишил последней человеческой надежды, но звучал мужественно: в Грузии больше нет безопасного места, оставайтесь там, где вы есть, и молитесь.

Мы исполнили благословение Патриарха. Около двух часов ночи мы прямо в доме отслужили акафист Иверской иконе Божией Матери, открыв настежь окна — так, чтобы каждый мог стать участником нашей маленькой службы. Когда после чтения молитв мы опустились на колени, чтобы каждый мог добавить к прочитанным текстам что-то от себя или просто побыть в тишине перед иконой Хранительницы Грузии, вдалеке раздался и стал медленно нарастать рев самолета. Думаю, я еще долго буду помнить, как в абсолютной тишине этот рев становился всё ближе и ближе и, вместе с молитвой, на лицах окружавших меня людей, казалось, можно было явственно прочесть мысли: чей это самолет? гражданский он или военный? раздадутся ли сейчас взрывы бомб? Но самолет, пролетев над городом, улетел дальше.

>> Ответ Патриарха лишил последней человеческой надежды, но звучал мужественно: в Грузии больше нет безопасного места, оставайтесь там, где вы есть, и молитесь. >>>

Несмотря на сделанные Саакашвили этой же ночью новые заявления, опровергавшие возможность наступления российских войск на Тбилиси, и на подтверждения правительства и военного командования России, люди, видимо, уже не хотели испытывать судьбу. Наутро многие, включая моих хозяев, стали собираться в горные деревни, подальше от опасности. Я же в тот день сел на автобус до Еревана — единственный на тот момент открытый путь для того, чтобы покинуть страну.

ЭТОТ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ ЧИТАЙТЕ НА САЙТЕ «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ» — www.TADAY.ru

>> Николай Сванидзе,
историк, журналист, телеведущий, член
Общественной палаты России

Острую форму конфликт между Россией и Грузией принял в начале августа этого года, но противостояние между двумя странами началось еще в начале 1990-х годов. Еще тогда грузины не очень аккуратно повели себя в отношении осетин и абхазов. Кроме того, какие-то разногласия и недомолвки в верхах власти, не идеальное взаимопонимание между отдельными членами правительства, неразумное поведение крупных политических деятелей — всё это накапливалось, как снежный ком. Теперь же он покатылся, и результат этого падения мы все явно ощущаем. Подумать только: нынешний грузинский

**>> Противостояние между
двумя странами началось еще
в начале 1990-х годов. >>**

глава государства пытается свалить вину за случившееся на нашего! Не забыл ли он, что Грузия — крохотная страна, а Россия — великая держава? Уж ему-то подобные вопросы точно следовало решать дипломатическим путем. В сложившейся ситуации можно посоветовать только следующее: не переводить межгосударственные отношения на бытовую уровень. Нужно потерпеть, временами лучше, временами хуже — ничего, я верю, всё наладится. Саакашвили приходят и уходят, а географическая карта у нас одна.

>> Александр Соловьев,
доктор политических наук, профессор,
зав. кафедрой политического анализа
факультета государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова

Конечно, сегодняшний конфликт возник не на пустом месте и у него немало исторических корней. Но с приходом к власти Саакашвили он обрел черты политического проекта, нацеленного на силовое решение вопроса (причем не только территориального, но и этно-национального). Этот грузинский деятель не только нарушил все существующие международные (а также личные, установленные с нашим руководством) договоренности, но и поставил на карту жизни тысяч своих сограждан. Видимо, слишком твердой была уверенность

**>> Переход к более активной
и конструктивной (то есть не
связанной только с критикой
западной позиции) диплома-
тии — вот на чем нужно со-
средоточить усилия по урегу-
лированию кризиса. >>**

в поддержке заокеанских покровителей. Я вижу три основных причины нынешней кризисной ситуации:

1) решительный ответ России на грузинскую агрессию, вызвавший панику в правящих кругах, никак не ожидавших столь оперативных действий по поддержке миротворцев; 2) признание независимости Южной Осетии и Абхазии; 3) продолжение Россией военной операции на территории (подчеркнем — суверенной) Грузии, что, несмотря на заверения нашей стороны, нарушает ряд норм международного права и ставит под вопрос миротворческий статус России в этом регионе. Последние два факта во многом и являются причиной негативной реакции на поведение нашей страны со стороны европейского и подавляющей части мирового сообщества. И если вопрос с признанием независимости обретает свою длительную перспективу (и здесь можно много дискутировать о плюсах и минусах российского решения), то сохранение военно-политического, а не политико-дипломатического подхода к существующему конфликту — в рамках реального времени — усиливает напряженность в отношениях Грузии и с двумя провозгласившими независимость территориями, и с Россией. Переход к более активной и конструктивной (то есть не связанной только с критикой западной позиции) дипломатии — вот на чем нужно сосредоточить усилия по урегулированию кризиса.

>> Дмитрий Соколов-Митрич,
специальный корреспондент газеты
«Известия»

Политические игры могут сделать врагами кого угодно. Но всё-таки я надеюсь, что не страны стали врагами, а только политические элиты. Хотя, конечно, Саакашвили поддерживает большинство населения, не смотря на то, что на выборах были подтасовки. Но одно дело — голосовать за какие-то обещания, надежды, другое — видеть, как это реализуется. На самом деле, мне кажется, что грузинский народ был обольщен идеей не то что даже территориальной целостности, а какого-то национального эгоизма. Я не понимаю, почему грузины так зациклились на Абхазии и Южной Осетии. Разве их предки проливали кровь за эти земли? Нет, они достались им на халяву. Так зачем платить за решение этой проблемы своим будущим, перспективами, которые открываются перед страной, откажись она от этого противостояния? Тем более, когда перед глазами есть пример России, которая в 1991-м году потеряла столько «абхазий» и «осетий», что Грузии и не снилось. Россия в этой ситуации поступила, я бы сказал, по-христиански, «смирилась». Святые отцы учат, что очень часто уступка на один шаг — это средство продвинуться вперед на 10 шагов. А упрямое стремление пробить лбом стену во что бы то ни стало приведет лишь к сотрясению мозга. Именно такой диагноз я бы поставил сегодня Грузии. И хотел бы надеяться, что это сотрясение не будет иметь необратимых последствий.

**>> Я не понимаю, почему
грузины так зациклились на
Абхазии и Южной Осетии. Раз-
ве их предки проливали кровь
за эти земли? Нет, они доста-
лись им на халяву. >>**

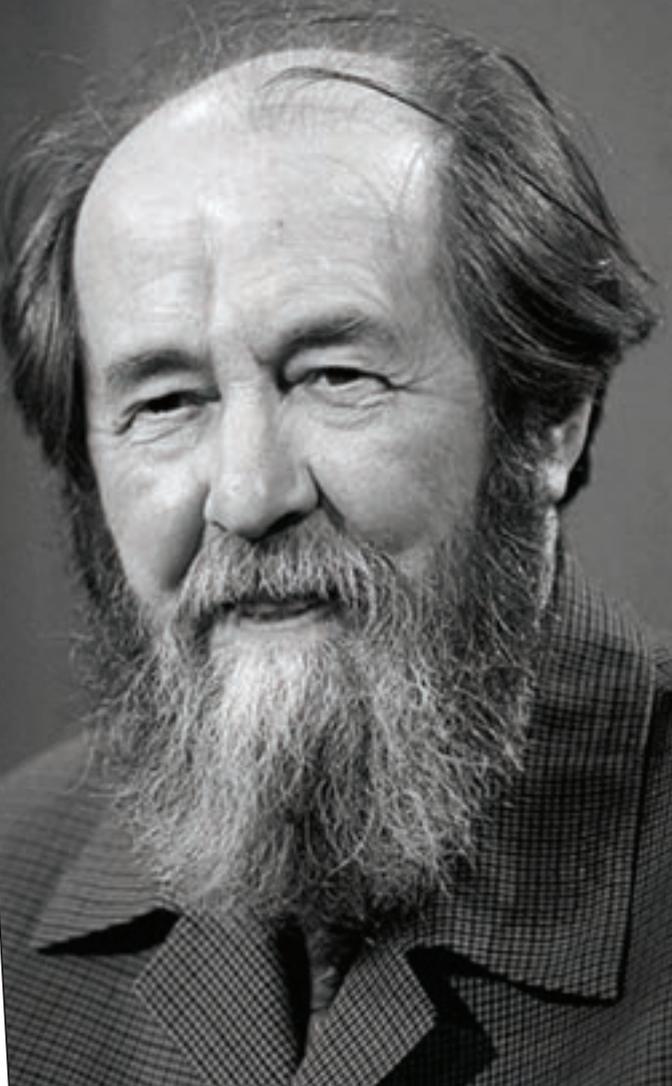
Что касается независимых Абхазии и Южной Осетии. . . Мне кажется, что Абхазия вполне способна стать самостоятельным государством: для этого там есть экономические ресурсы (200 километров морского побережья, например). Что касается Южной Осетии, то она одна не выживет, поэтому мне кажется, что в дальнейшем будет тенденция к более или менее плотному сцеплению с Россией, возможно, вхождение в ее состав. Если ситуация будет развиваться по законам логики и здравого смысла, думаю, число стран, признающих Южную Осетию и Абхазию, будет увеличиваться. Возможно, этот процесс потребует многих лет, но едва ли он повернет вспять.

>> Юрий Шевчук,
группа «ДДТ», из интервью
для журнала «Русский репортер»

Ты представляешь, рубились — за мир, за мир, за мир. И тут война. Я это воспринял как трагедию, жесточайший удар. Я почувствовал, что мы проиграли. Зло опять восторжествовало, оно добилось этой кровищи.

Православие, самодержавие, народность, Александр III, XIX век: все вокруг враги, единственные союзники России — армия и флот. Да у нашей элиты в башке позапрошлый век! У них-то всё хорошо: виллы в Каннах, детки учатся на Западе. . . А у нас здесь Запад и либеральная демократия ни к чему. Народ должен быть азиатский, темный. Дали ему футбол, дали ему Диму Билана, везде побеждаем, Боженька нас любит, газа и нефти дал — всё хорошо. Так легче управлять. И маленькие победоносные войны.

Наши ничего не сделали, чтобы этой войны не было. Я считаю, что наш политический бомонд виноват. Если бы хотели, был бы шанс за эти 15 лет всё разрулить спокойно, путем переговоров. По крайней мере не вести себя как на коммунальной кухне: ты плюнул в мою кастрюлю — я плюну в твою сковородку и съем твои пельмени из холодильника. Вот на таком уровне были наши отношения с Грузией, с Украиной и Прибалтикой. Я считаю, что наши политики проиграли. Ведь для чего мы их кормим? Для того чтобы войны не было. А если война начинается, значит, они не справились. Тоска полная. Центроспас — МЧС — вот люди Божьи, всех спасали: и грузин, и осетин. Смотри, какие лица светлые! Они пахали там на износ, сутками не спали, под обстрелами с 8-го числа. Вот это — наша Россия, вот это — наши люди. Я их безмерно обожаю. Никакого зла — одно добро.

Как хоронят Писателей

ШЕСТОЕ АВГУСТА. СЫРОЕ И ВЕТРЕННОЕ УТРО, ХОЛОДНОЕ И ДЛЯ МОСКОВСКОГО ЛЕТА. СЕРАЯ, СУЕТЛИВАЯ АТМОСФЕРА БУДНЕГО ДНЯ. НИКАКОГО ВОЛНЕНИЯ, ОЖИВЛЕНИЯ ДАЖЕ В РАЙОНЕ ШАБОЛОВКИ.

Только когда подходишь к стенам Донского, замечаешь поток людей, спешащих в одном направлении. Куда — понятно без вопросов: это знают даже местные нищие. Народ с венками и букетами стоит у ворот, вдоль дороги к монастырскому собору, в дверях. Люди идут и идут в храм, пока тот не наполняется до отказа и движение приходится остановить. Пока продолжается панихида, некоторые соображают, что собор можно обойти по кругу, и пять-шесть раз проходят через центр. Там стоит президент, его свита, многочисленное духовенство, знаменитые актеры и музыканты — но на них не смотрят. Тысячи людей, стоящих за колоннами, в притворе, в крытых галереях, пришли ко гробу, где лежит их писатель.

В толпе, которая наполняет монастырь, можно найти любое лицо. Здесь ветераны войны и твои ровесники; вылощенные интеллектуалы, простые работяги, неформальная молодежь и обычные старушки, что любят сидеть на скамейке возле своей многоэтажки. Здесь знаменитые ученые и те, кто никогда не прочтет их трудов; здесь модные журналисты, известные общественные деятели, завсегдаита публичных

похорон и просто кликуши, любящие светиться перед камерами. Многие из них обычно обходят друг друга за километр, но сейчас стоят почти рядом, не разговаривая. Время от времени храм начинает петь «Со святыми упокой» или «Вечную память», а потом — опять тихо, и слышно лишь зауспокойный канон.

Гроб выносят на улицу. Выходят долго: никто не знает, сколько сейчас народа в Донском, но точно — несколько тысяч. Когда траурная процессия подходит к могиле, милиция перекрывает дорогу, и на кладбище попадают совсем немногие. Остальные остаются ждать, пока пройдет отпевание, отгремят оружейные залпы, президент скажет речь и можно будет, наконец, положить на могилу свои несколько цветков.

Осматриваешься сквозь толпу. В двух шагах — атеисты и православные, обновленцы и фундаменталисты, элегантные либералы и посконные монархисты. Совсем близко стоит и сжимает три красных розы старик диссидент, бывший когда-то флагманом российского либерализма, а теперь отодвинутый на обочину и вместе со всеми мерзнувший в толпе. Назвав покойного «титаном», он тут же ругает его за «византизм» и «недемократичность», а рядом простоватая женщина в платке начинает защищать нынешнюю власть. Через минуту им напоминают, что над гробом спорить негоже, и политические страсти стихают.

Пробирает холод. Вновь оглянувшись, замечаешь всё больше и больше знакомых лиц — от профессоров и аспирантов до дворников и уборщиц. Многие ушли, но сотни так и продолжают ждать. Никакой эпохальности, никакой «национальной значимости»: день как день. Ни манифестаций, ни пламенных призывов над гробом, ни чувства всенародного траура.

Вот оцепление снимают, и толпа идет к свежей могиле за алтарем храма Иоанна Лествичника. Похороны закончены, милиция расходится. Всё тихо и буднично.

Но только Солженицына больше нет.

Из «личного дела» гения

>> Отец писателя — русский крестьянин Исаакий Солженицын — погиб на охоте за полгода до рождения сына. Когда будущий нобелевский лауреат получал паспорт, его отчество **записали как «Исаевич»**. Под этим «ошибочным» отчеством он и вошел в русскую литературу.

>> С середины 30-х годов Солженицын стал пламенным приверженцем марксизма и тогда же **увлекся историей Октябрьской революции**. В 1937 г. он начал писать первые главы романа, который впоследствии назовет «Красным колесом».

>> В конце тридцатых писатель с отличием закончил физмат Ростовского университета и тогда же поступил в знаменитый московский ИФЛИ — институт, созданный на базе **факультета истории и литературы МГУ**.

>> В феврале 1945 г. его арестовали на фронте за то, что в письме к своему товарищу он назвал Сталина «Паханом» и призвал к восстановлению «ленинских норм». При обыске у капитана Солженицына нашли портрет Троцкого (к тому времени уже убитого), которого на допросе арестованный объявил лучшим учеником Ленина.

>> **Как и Достоевский** за сто лет до него, на каторге Солженицын резко изменил свои взгляды.

>> После семи лет заключения Солженицына **сослали** в Казахстан с формулировкой **«навечно»**. Как вспоминал он в «Раковом корпусе», тогда не могло быть и мысли о реабилитации.

>> В 1953 г. у писателя обнаружили семиному — злокачественную **опухоль половых желез**. Эта разновидность рака считалась одной из самых тяжелых: рядом с Солженицыным в больничной палате умер молодой комсомолец, за полгода уничтоженный болезнью. Случай Солженицына был запущенным, но после лучевой терапии он полностью

выздоровел, а в начале 1970-х годов у писателя родились **трое сыновей**.

>> В 1964 г. публичный **дебют писателя** — «Один день Ивана Денисовича» — выдвинули на Ленинскую премию: редкий случай, когда награду хотели присудить за один-единственный рассказ. После жарких споров Солженицына провалили.

>> 13 февраля 1974 г. писателя **лишили гражданства по обвинению в измене Родине и выслали из Советского Союза** (случай доселе неслыханный — сидя в самолёте, Солженицын думал, что летит в заключение). Его семья несколько лет прожила в Цюрихе, а потом переехала в американский штат Вермонт, природа которого удивительно напоминает среднерусскую.

>> В годы гонений на веру Александр Исаевич оказывал помощь семьям заключенных и на собственные деньги организовывал экспедиции по России, собиравшие информацию о **жертвах террора и новомучениках**. Сам он просил никому об этом не рассказывать до его смерти.

>> В 1994 г. писатель вернулся в Россию и жил на даче в Троице-Лыкове. Несмотря на выступления в прессе, публикации новых книг и включение произведений Солженицына в школьную программу, многие **продолжали думать, что он в Америке**, и с изумлением узнавали обратное.

>> В 1997 г. Солженицын стал академиком РАН, не имея ученых степеней, званий и **не написав ни одной научной работы**.

>> Солженицын — единственный из русских классиков, умерший на излете девятого десятка. Мало кто из равных ему по таланту так смело и открыто обличал неправду, пережил такие же лишения, победил в **противостоянии с всеильной властью**; и уж совсем немногие удостоились безбедной старости и государственных почестей над гробом.

Размышления о национальной элите

С ЧЕМ АССОЦИИРУЕТСЯ У ВАС СЛОВО «ЭЛИТА»? Со «сливками общества», блажными «КОРЕШАМИ», ТОВАРАМИ КЛАССА ЛЮКС? А ВЕДЬ ИСТОРИЧЕСКИ ЭЛИТОЙ НАЗЫВАЛИСЬ ЛУЧШИЕ ЛЮДИ СТРАНЫ, ЦВЕТ НАЦИИ, БЕЗ КОТОРЫХ ЭТОЙ САМОЙ НАЦИИ МОЖЕТ И НЕ СТАТЬ.

В каждом народе есть люди, являющиеся носителями ценностей национальной культуры, исторической памяти. Они объединяют нацию и руководят ею. Они — душа, сердце и мозг страны. Они — национальная элита. Во все времена, чтобы покорить народы, завоеватели уничтожали или ассимилировали их лучших представителей. Так поступили, в частности, большевики. Человек без национального самосознания превращается в удобный материал для любого рода государственных экспериментов. Он перестает быть личностью и превращается в то, что учебниках по праву называют «существом биопсихосоциальным».

Таким образом, основным условием нашего выживания как нации является непрерывная передача из поколения в поколение накопленного веками «багажа» нашей культуры, истории, нашего своеобразия. И без аристократии — не в смысле кровнородственном, а аристократии духа, то есть без лучших наших представителей, — мы обречены на медленную потерю своей самобытности, на растворение в культуре других народов. Представьте себе, что в России не было бы классической литературы XIX века: ни Пушкина, ни Гоголя, ни Достоевского, ни Чехова, ни Толстого, а все писатели и поэты перешли бы, например, на немецкий язык и начали писать на нем не о нашей стране и не о русских людях, а, допустим, о баварцах или тирольцах. Представьте, что службу в церкви перевели бы на немецкий язык или оставили бы на русском, но православие заменили бы лютеранством. Представьте, что художник Тропинин писал бы не русских крестьянок, а семьи саксонских бюргеров; Васнецов — на темы не русских сказок, а «Песни о Нибелунгах». Кем бы мы стали через сто-двести лет? Очевидно — немцами. Человеку всегда было свойственно стремление к высокому и прекрасному, и если он не находит проявлений этого высокого в своей культуре, он обращается к другим.

Политика советского государства привела к исчезновению значительной части подлинно русских людей. Их старались заменить «советскими» людьми без национальной культуры и без исторических корней. Выдвинулась и новая, советская, элита — выпускники партшкол и рабфаков.

Разрыв в многовековой преемственности элиты России обратился истинной катастрофой. Русские, даже освободившись от гнета большевиков, не смогли обрести себя. Мы до сих пор живем в советском государстве, населенном людьми в большинстве своем советскими, управляемыми прежней советской элитой.

Начавшийся в 1980-е годы поиск своей самобытности способствовал не только таким положительным явлениям, как интерес людей к прошлому своей семьи (рода), к истории России и СССР, мода на всё дореволюционное, новое прочтение русской классики, но и породил такие пороки, как нацизм, расизм, религиозный экстремизм, массовое возрождение языческих верований. По сути, все перечисленные явления имеют один корень — желание вновь стать русскими. Причина болезненного отклонения в возрождении русского народа заключается в отсутствии национальной элиты, непререкаемых авторитетов, способных направить этот процесс в правильное русло спасения. Видных представителей русской элиты можно сейчас перечислить всего на одном листе бумаги, и, кроме того, большинство из них были долгое время элитой советской, и доверие к ним, особенно среди радикально настроенной молодежи, невелико.

Итак, полагаю, что вполне очевидна сама необходимость воспроизводства, преемственности национальной элиты, но каковы его механизмы? Существует несколько путей. Наиболее верный из них — от родителей к детям — путь, проделанный благородным российским дворянством. Когда человек по тем или иным своим заслугам достигает статуса представителя элиты, перед ним всегда встает выбор. Он может остаться единственным представителем своего рода, достигшим такого уровня. Или же он может воспитать своих детей на тех ценностях, которые сделали его элитой, и тогда его дети, имея в качестве стартовой площадки уровень своего родителя, могут подняться еще выше по лестнице своего духовного и интеллектуального развития. Так рождались великие династии, древние роды, начинавшие когда-то с малого, но возвысившиеся до значительных высот.

Примеров этого пути немало.

Большинство славных дворянских родов начинали в свое время с какой-то выдающейся личности невысокого происхождения, но высокого ума и духа. Так же и многие русские промышленные династии: Морозовы, Рябушинские, Гучковы, Прохоровы и многие другие «киты» делового мира

старой России происходили из обыкновенных крестьян, но поколения постоянного роста сделали из них не только великих промышленников и банкиров, но и ценителей искусства, меценатов, ученых.

Существует и другой, не менее древний, чем первый, путь воспроизводства элиты: путь школ искусств, научных, философских, военных и т. п. Центром такой преемственности элиты является уже не семья, а научное или учебное заведение, будь то школа Платона или британский колледж, средневековый немецкий университет или русское юнкерское училище. Так, Московский университет во все времена считался и был крупнейшим центром формирования русской интеллектуальной элиты.

Нередко можно встретить смешение этих двух способов формирования и преемственности элиты, что способствует только ее внутреннему обогащению. Встает вопрос о природе того родства, которое объединяет представителей элиты вне зависимости от того, каким путем они стали ее частью. Родство это не по крови, не по политическим взглядам или научным методам. Это духовное родство между родителем и его потомком, между учителем и учеником: родство ценностей, жизненных позиций,

культурное единство. Оно является единственно необходимым условием для осуществления преемственности национальной элиты.

Думаю, главная проблема, вставшая перед страной после августа 1991 года, заключалась не столько в социальных, экономических или политических

трудностях, сколько в поиске элиты: найдутся ли люди, которые смогли бы обновить страну изнутри, которые смогли бы встать на смену прежнему советскому правящему слою? Эта проблема стоит перед Россией до сих пор. Для ее решения необходимо понять, как нам поступить сейчас, когда связь с прошлым кажется порванной навсегда?

Это сложный вопрос, но сама жизнь дает нам на него ответ. Наблюдаемое массовое возрождение у людей родовой и, шире, исторической памяти подает большие надежды. Когда мы познаем историю своих предков и через нее у нас просыпается интерес к истории и культуре нашей страны, мы мистическим образом входим в контакт с прошлыми поколениями. И если мы перенимаем их опыт, отбирая лучшее (но и не забывая об отрицательном), — значит, они начинают говорить через нас, значит, разорванная катаклизмами истории связь веков и поколений восстанавливается.

И тому есть примеры. С чего началось Итальянское возрождение, как не с интереса к античности, к наследию древнего Рима? С чего началось объединение и возрождение Германии в середине XIX века, как не с интереса к собственно германской культуре, древним германским племенам? Благодаря чему, как не открытию своей истории, религиозному и культурному возрождению, встали из пепла почти ассимилированные турками Греция и Болгария? Таким образом, если национальная элита есть основная гарантия нашей самобытности, выразитель ценностей нашей культуры и носитель опыта нашей истории, то восстановление ее будет следствием возвращения к нам исторической памяти, религии и культуры.

>> Владимир Хутарев-Гарнишевский,
соцфак МГУ

ОДИНОЧЕСТВО В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Одним из последних активно и, главное, широко обсуждаемых кинопродуктов стал сериал «Секс в большом городе». Успех фильма можно назвать триумфальным хотя бы потому, что зрители всё никак не могли расстаться с его героинями. Продюсеры, тоже не желая забывать золотоносных нью-йоркских подруг, придумали мощную коду: сняли полноценный двухсерийный фильм, в котором завершились все сюжетные линии, причем — ко всеобщему удовольствию.

Фильм несколько сместил акценты неторопливого сериального повествования про незадачливых подружек и тем самым вскрыл некоторые «социологические» проблемы зрительской аудитории.

Широкий интерес к фильму может быть обусловлен или захватывающей сюжетной интригой, или острым соперничеством героям, с которыми невольно себя идентифицируешь. В нашем случае зрители (а по большей части — зрительницы), несомненно, видели сходство своей жизни и ее проблем с экранным повествованием. Сериал строился на двух стержневых линиях — еда и любовь. Вернее, по большей части реальная еда (ресторанно-кафешные дружеские посиделки как аналог античных пиршественных собеседований) и виртуальная любовь, распыленная в бесконечных разговорах о ней, в тоске по ней, в ожидании, что вот сейчас, уже совсем скоро удастся прорваться к нормальным, а значит, к счастливым отношениям.

В центре внимания — женская

компания, состоящая из четырех вполне благополучных подружек, неплохо умеющих зарабатывать деньги, в меру привлекательных, устойчиво стоящих на земле, ироничных. Это стопроцентные мегаполисные аборигенки. Но все подружки тоскуют о Нем, единственном, с которым можно построить дом и растить детей. Цель высока и ясна, но недостижима, идеал ускользает, выворачивается в руках, то превращаясь в скудную и ненужную повседневность, то вообще оказываясь ложью.

Лишь хорошее чувство юмора и самоирония спасают подружек от недоумения, близкого к отчаянию из-за постоянных мыслей о том, почему же они, такие деловые, умные и обаятельные, никак не могут поставить свою жизнь на правильные рельсы.

Потому и смотрели этот сериал с таким интересом, что скорее даже не смотрели, а всматривались: а не отыскали ли авторы фильма правильную формулу женского поведения в недрах мегаполиса, не научат ли всех, как следует поступать в бесконечных трудных и смутных ситуациях? Но авторы в сериале предлагали только один рецепт — юмор, умение улыбнуться после очередной царапины и выговаривать печали подружкам в кафешке. В этой печальной честности и заключалась обаяние сериала.

>> А не отыскали ли авторы фильма правильную формулу женского поведения в недрах мегаполиса, не научат ли всех, как следует поступать в бесконечных трудных и смутных ситуациях? >>

Современная киноиндустрия не была бы детищем рынка, если бы не умела выполнять зрительские заказы с дословной тщательностью. А зрительские пожелания очень просты: «утешьте

Стоит ли говорить, что эта модель при ближайшем рассмотрении оказалась просто фундаментальным архетипом в сегодняшних отношениях между мужчинами и женщинами. Нынешние амазонки хотят вернуться в традиционную семейную схему, ищут путей ее реализации, форм ее осуществления, теоретически готовы пойти на многие уступки, только не умеют уступать, смиряться, терпеть. А потому и длится долгий и во многом точный сериал про обреченность на поражение в отчаянной борьбе за потерянную семейную традицию. И конечно, за любовь, но обязательно простую, традиционную, без мегаполисных выкрутасов.

>> Зрительские пожелания очень просты: «утешьте меня, отмените проблемы»... >>

меня, отмените проблемы»; на этих пожеланиях и сформирован голливудский канон, требующий счастливого конца любой сказки. Голливудский лозунг: «вы хотите песен, их есть у меня» действует всегда безупречно. Голливудская мифология мира построена на основном тезисе: мир очень точно, разумно и рационально организован; отклонения от ясной логики развития сюжета — а) нужны для занимательности, б) случайность, требующая немедленного исправления. Эта баптистская схема видения мира насаживается на чисто кинематографический стержень: в центре этой «вселенной» стоит героиня — куколка, секси, в облике которой выверен каждый тугой завиток.

Вот в эту десятилетиями проверенную схему и помещают любимых многими миллионами подружек. То, что

их четверо — это минус, нарушение схемы, но этим обстоятельством можно пренебречь. Все четверо проводятся через одинаковую сюжетную линию — недоразумение с любимым, но всё кончается свадьбой, шампанским и поцелуями. В сущности, четырех героинь свели в один условный знак той самой искомой «куколки, секси» с топаньем ножкой, хлопаньем ресницами. Несколько несложных операций — и перед нами совершенно другой мир.

Во-первых, из дружеской компании исключен пятый ее участник — мегаполис, Нью-Йорк, чье присутствие всё и определяло в развитии сериальных историй. Во-вторых, героиням резко повысили социальный статус, переместив их из среднего в высший класс. В-третьих, быстро распутали все недоразумения. Проблемы признаны случайностью, несовпадением авиарейсов, неполучением письма. Всё поправимо и радужно.

Фильм получился про каких-то других подружек, живущих не просто в другом городе, но и на другой планете.

>> Фильм получился про каких-то других подружек, живущих не просто в другом городе, но и на другой планете. >>

Волнующий вопрос: а как же быть жительницам мегаполиса, которые давно сидят на веслах лодки своей судьбы, да гребут не в ту сторону, — остался без ответа. Можно было бы поискать ответа в других киноисториях, да непохоже, что можно его дожидаться. В кино идет деловитый процесс монтажа готовых схем. Остается просто жить.

>> Мария Хорькова

ЭТОТ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ ЧИТАЙТЕ НА САЙТЕ «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ» — www.TADAY.ru

Истинная любовь — это проза. Может быть, близкая к экзистенциальной. Из столетия в столетие брак был тем, о чем только и могли мечтать любящие. Но время, всё меняющее, изменило и отношение к браку. Сегодня брак далеко не обязателен. «Ты — моя женщина, я — твой мужчина, если надо причину, то это причина», — поется в одной из песен группы «Наутилус Помпилиус». Действительно, зачем всё усложнять?

Однако мы решили пойти «от противного» и узнать, что думают о семейных узах те студенческие семьи, которые решились на настоящий брак — такой, о котором мечтают все маленькие девочки: с кольцами в загсе и подвенчным платьем.

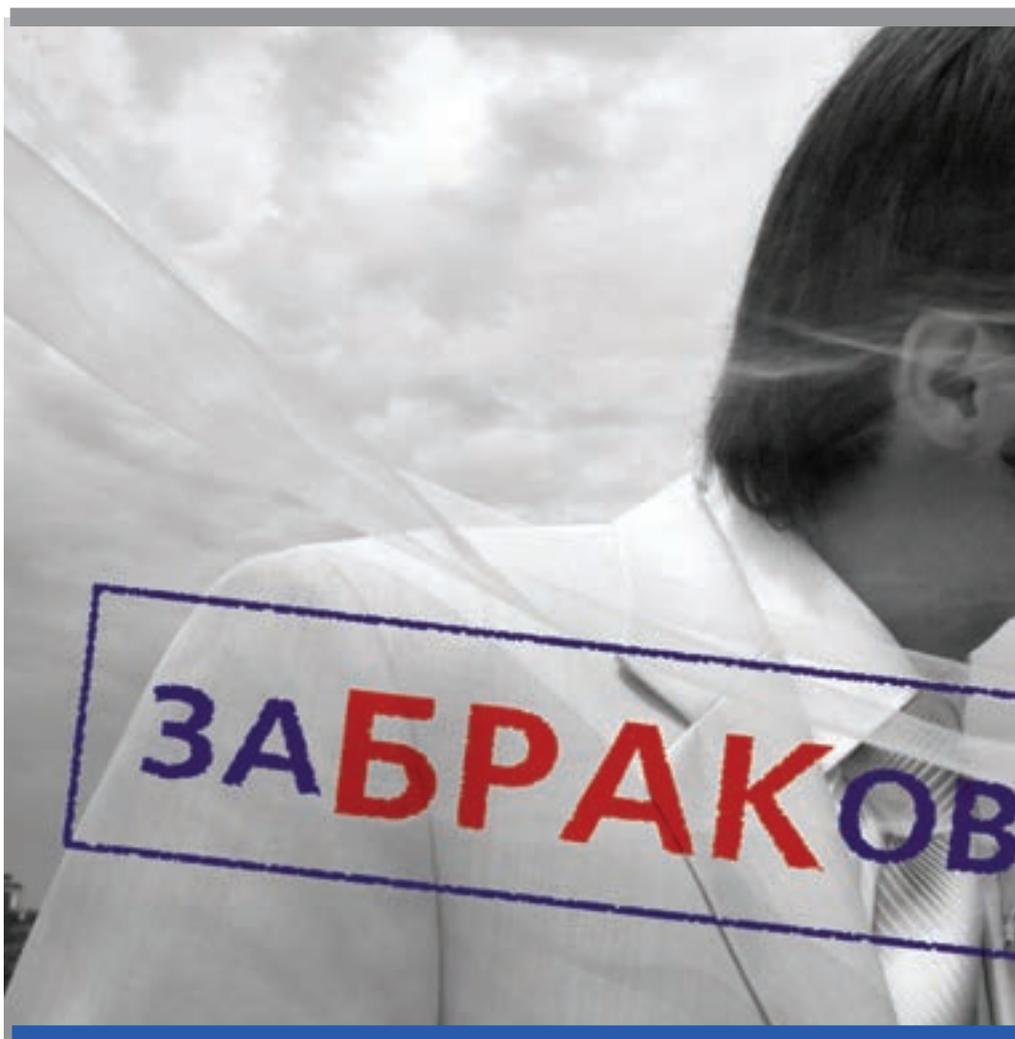
«ОЩУЩЕНИЕ ЕДИНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Яна Мерцалова, студентка факультета журналистики МГУ, 21 год, и Александр Лугачев, студент МФЮА

>> «Ты — моя женщина, я — твой мужчина, если надо причину, то это причина», — поется в одной из песен группы «Наутилус Помпилиус». Действительно, зачем всё усложнять? >>

Саша: У нас многие спрашивают, почему мы не стали ждать, вступили в брак так рано. Мол, чувства должны окрепнуть. Да, всё меняется, со временем мы все становимся хоть немного, но другими, однако это совсем не означает, что любовь уйдет.

Яна: Мы полтора года жили в гражданском браке. Каких-то явных минусов такого проживания я не вижу, однако мне казалось, что после оформления отношений обязанности обоих супругов станут более четкими. Хотя, конечно, гарантии-то не было никакой. Сам институт брака, наверно, не устаревает. Некоторым людям, особенно молодым,

кажется, что для того, чтобы вступить в брак, необходимы огромные суммы денег на свадьбу, что брак сразу означает жилье, машину, капитал. Почему-то немногим приходит в голову, что все эти капиталы зарабатываются совместно, что только вместе можно достичь каких-то высот.

Яна: Кому-то это может показаться странным, но для меня супружеские узы связаны с понятием свободы. Сложно объяснить, каким образом, но именно брак помог мне определиться с интересами и стремлениями, открыть в себе новые способности. Супружеские узы означают меня и всю мою жизнь, это то, чем я живу. Это ощущение единого человека, а не двух разных людей.

Саша: Я с женой полностью согласен.

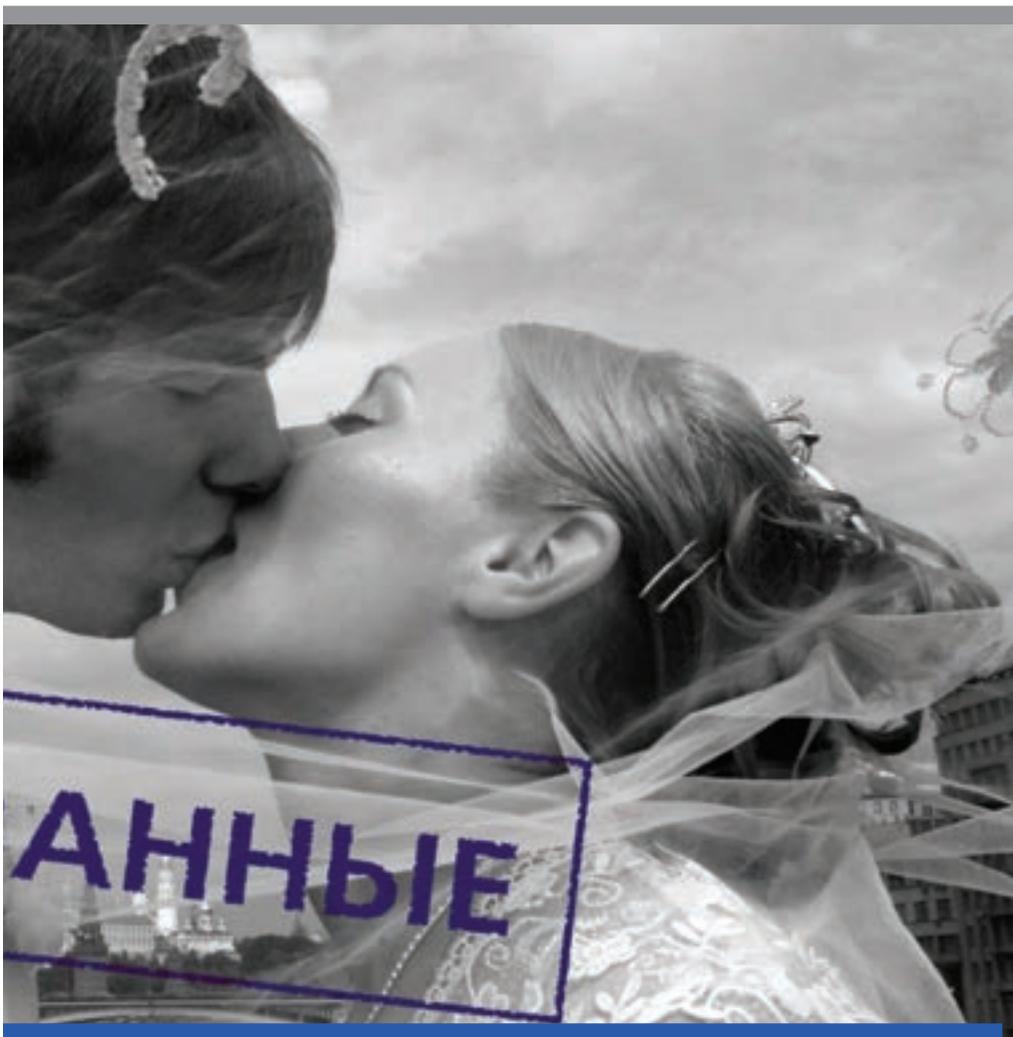
Саша: Венчание происходит перед лицом Господа, венчание впускает Его в семью, и брак становится не просто

>> Мы полтора года жили в гражданском браке. Каких-то явных минусов такого проживания я не вижу, однако мне казалось, что после оформления отношений обязанности обоих супругов станут более четкими. Хотя, конечно, гарантии-то не было никакой. >>

бумажной провололочкой, он обретает духовный смысл.

Яна: Мне кажется, что венчание помогает семье окрепнуть и более серьезно относиться к самому союзу. Мы с Сашей обвенчаны.

Многие знакомые отговаривали нас от венчания. Считается, что семейные

>> Считается, что семейные пары венчаются после того, как много лет прожили вместе, часто уже в преклонном возрасте, чтобы просто «помереть со спокойной душой». >>

«ТАК БАБУШКА ЗАХОТЕЛА...»

ВЕРА ТИХОНОВА, ВЫПУСКНИЦА БИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ, 24 ГОДА, ЗАМУЖЕМ ТРИ ГОДА.

Вера: Хотя для чувств и совместного быта штамп в паспорте не так уж и важен, официально оформленные отношения имеют смысл хотя бы из-за социальных льгот. Кроме того, брак пока еще остается нормой. Если для меня свадьба была не так важна, то мужу это дало возможность жить в моей квартире, не чувствуя себя обязанным, это было важно для родственников старшего поколения и, наверное, будет важно для наших детей. Для меня в большей степени это была черта, за которой я почувствовала себя повзрослевшей, ответственной и обязанной.

Супруг Веры: Так надо, ну и бабушка захотела...

Вера: Прежде всего, семейные узы — ответственность за принятое решение. Смена стиля поведения. Моя семья увеличилась не на одного человека, но и на всех его родственников, мне придется с этим считаться. Немного эгоистичная радость обладания. И работа — над собой, над совместным бытом, над будущим — самая любимая работа в мире.

Супруг Веры: Теперь надо о тебе думать...

Вера: Я не христианской веры, поэтому мы не венчались. Мне хотелось бы найти обряд, закрепляющий семью духовно, но венчание для этого не подходит.

Супруг Веры: Я ж тебе говорил, что надо было венчаться!

пары венчаются после того, как много лет прожили вместе, часто уже в преклонном возрасте, чтобы просто «помереть со спокойной душой». Но венчание, на мой взгляд, не для очищения совести и не для того, чтобы перед кем-то предстать в лучшем виде. Это исключительно для тебя самого.

>> Сложно объяснить, каким образом, но именно брак помог мне определиться с интересами и стремлениями, открыть в себе новые способности. >>

Саша: Настоящая семья — это люди, любящие друг друга, порой самые разные люди, которые прекрасно понимают друг друга. Семья дает прежде всего будущее — я имею

в виду детей. Я не говорю, что в детях, рожденных вне брака, нет будущего, я имею в виду то, что семья является работающей моделью окружающего мира для маленького человечка. Всё, что он может познать на первых порах, он берет из семьи, и если эта модель будет плохо склеена, то не странно, что потом мы будем недовольны подрастающим поколением. Очень важно начать с благодатной почвы и отправиться дальше. Этот процесс напоминает мне шитье лоскутного одеяла: каждая новая семья готовит свой кусочек, воспитывает детей, которые впоследствии будут делать свой лоскуток. И в целом под ним будет тепло и уютно.

Яна: Настоящая семья должна быть символом мира на всей Земле. Без семьи человек теряется в огромном мире. Без семьи человек теряет корни, а без корней человек не может найти и осознать самого себя.

Вера: Настоящая семья связывает людей настолько близко, что любовь между ними становится само собой разумеющейся. В семье человек не может быть один. Что бы с ним ни случилось, ему есть куда прийти и получить помощь. Просто так, даже не прося.
Супруг Веры: Опора.

«УЗ НИКАКИХ НЕТ. ЕСТЬ СВОБОДА И ЛЮБОВЬ»

Мария Иконникова, МГУ, 5-й курс, замужем за АМЕРИКАНЦЕМ, ЖИВЕТ В OCEANCITY, USA

Мария: До моего крещения в 2004 году и воцерковления о браке я особенно не думала и не понимала, для чего люди женятся. Когда я готовилась к крещению, то пересмотрела всю свою предыдущую жизнь. И первым делом — отношения с парнями. А после крещения не видела для себя другой жизни, кроме как в православной семье.

>> ...семья является работающей моделью окружающего мира для маленького человечка. >>

Мария: Уз никаких нет. Есть свобода и любовь. Хотя в США, где я живу, два венчанных человека еще не называются семьей, а только мужем и женой. Название семьи пара при-

обретает, когда у нее появляется первенец! Быть замужем — это постоянное счастье, даже когда трудно.

>> Хотя для чувств и совместного быта штамп в паспорте не так уж и важен, официально оформленные отношения имеют смысл хотя бы из-за социальных льгот. Если для меня свадьба была не так важна, то мужу это дало возможность жить в моей квартире, не чувствуя себя обязанным... >>

Мария: Венчание имеет особый смысл — самый что ни на есть сокровенный. И именно поэтому его нельзя разъяснить словами. Это блаженство — стоять перед твоим Отцом и знать, что вы оба (жених и невеста) делаете правильный шаг, раз он заслуживает самого высшего одобрения.

«БРАК — НЕ ФАКТ, А ПРОЦЕСС»

Екатерина Дубосарская, выпускница филологического факультета МГУ

Екатерина: Изначально мы выбрали гражданский брак. Хотя «выбрали» — не то слово: так было удобнее в бытовом пла-

не, надо было когда-то общаться, а день был расписан по минутно. Рационального было мало — не жили, а жилось. До сих пор удивляюсь, почему приличная девочка пошла совсем не правильным путем. Хотя я всегда предполагала, что мы, конечно же, поженимся, а сейчас — ну вот так удобнее. Потом началось приближение к ограде церковной...

>> В семье человек не может быть один. Что бы с ним ни случилось, ему есть куда прийти и получить помощь. Просто так, даже не прося. >>

Екатерина: Когда я начала ходить в храм, стало понятно, что устройство своей семейной жизни нужно менять. Потому что по-другому в жизни христианина быть не может. И не приходило в голову, что можно обойтись только регистрацией, без того, чтобы венчаться. Не думала я тогда о сокровенном смысле Таинства, просто по наитию поступала. Не помню, чтобы особенно советовалась с мужем. Так надо было, и я так делала. Мы зарегистрировались, повенчались. Венчание само помню отрывками... помню, например, как чашу с вином до дна пили, как батюшка говорил, что теперь посреди нас, в семье нашей Христос и малой церковью мы должны быть.

>> В США, где я живу, два венчанных человека еще не называются семьей, а только мужем и женой. Название семьи пара приобретает, когда у нее появляется первенец! >>

нилось, что за создание и сохранность семьи ты несешь свою долю ответственности и что нет никаких гарантий, и человек сам может разрушить всё, что так долго и кропотливо создавал. И его на то свободная воля.

Екатерина: Семья — это творчество, созидание, труд. Не меньший, чем работа общественная, если не больший. От того, насколько ты добросовестно и хорошо потрудишься, зависит, как тебе будет в этой семье, каким будет твой дом, насколько уютно будет в нем его жильцам. «Брак — не факт, а процесс», — это высказывание Довлатова я знала давно, но тот вектор действий, который эти строчки предполагают, стал понятен и доступен мне не сразу.

Екатерина: Сокровенный смысл Таинства осознавался потом, не сразу, и до сих пор какая-либо жизненная ситуация освещает его с иного ракурса. Это не просто обряд в жизни христианина такой, а нечто, по чему в тот или иной момент жизни ты поймешь, как нужно или не нужно поступать, что не игрушки это всё и не просто красивая церемония.

Помню, когда ссорились, и страшно ссорились — вплоть до желания разойтись — и всё равно оставались вместе, я думала, что, не будь венчания, тех даров благодатных, которые в Таинстве даются, — давно бы разбежались.

Часто говорят, что если венчаться — то на всю жизнь, разводиться нельзя и т. д. Так оно, по сути, и есть, но мы прекрасно знаем реальность, когда разводятся венчанные пары, и не редкость это. И поэтому думать, что раз уж ты венчался, печати где надо поставлены, то всё — железно, браку твоему грозить ничего не может, что венчание — гарант безопасности, — это, как минимум, играть с огнем, если не стоять на краю. Не сразу, слезами, потом-кровью, выяс-

>> Думать, что раз уж ты венчался, печати где надо поставлены, то всё — железно, браку твоему грозить ничего не может, что венчание — гарант безопасности, — это, как минимум, играть с огнем, если не стоять на краю. >>

Нашему сыну скоро будет три года, а все эти простые и прописные истины только-только начинают осознаваться, а главное — воплощаться в жизнь. Что муж и жена — плоть едина, что муж — глава корабля семейного, что ласковое слово ох как дорого стоит, что семья — крепость твоя.

>> Александра Кисель >> Наталья Гурова

Полная версия материала на www.TADAY.ru

*«Анна Каренина»:
анатомия страсти*

«В «Анне Карениной» я люблю мысль семейную», — писал Л. Н. Толстой в 1877 году, завершая работу над романом. Семья, любовь, измена — вот тот оселок, которым испытываются герои.

>> Интересно, что отношение некоторых героев к семье на протяжении романа меняется: так, к концу повествования Вронский в этом... становится похож на Левина... >>

Действующие лица незаметно разделяются автором на две группы: те, кто сочувственно относится к идеалам семьи, и те, кто проповедует — словом или жизнью — иные, «антисемейные» ценности.

Интересно, что отношение некоторых героев к семье на протяжении романа меняется: так, к концу повествования Вронский в этом... становится похож на Левина, который семью ставит очень высоко. Ему мало любовных отношений с Анной, он хочет создать настоящую семью: «Мы соединены самыми святыми для нас узами любви. У нас есть ребенок, у нас могут быть еще дети. Но... моя дочь по закону — не моя дочь, а Каренина.

>> Кстати, проснувшаяся семейственность Вронского — еще один кирпичик в стене, вставшей между ним и Анной. >>

И завтра родится сын, мой сын, и он по закону — Каренин, он не наследник ни моего имени, ни моего состояния, и как бы мы счастливы ни были в семье и сколько бы у нас ни было детей, между мною и ими нет связи...». Кстати, проснувшаяся семейственность Вронского — еще один кирпичик в стене, вставшей между ним и Анной. Княжна Варвара замечает: «Они живут, как самые лучшие супруги». Однако на поверку это мнение оказывается ошибочным. В качестве лакмусовой бумажки Толстой использует визит к ним Долли. Выступая в романе живым воплощением «семейного инстинкта», она сразу же

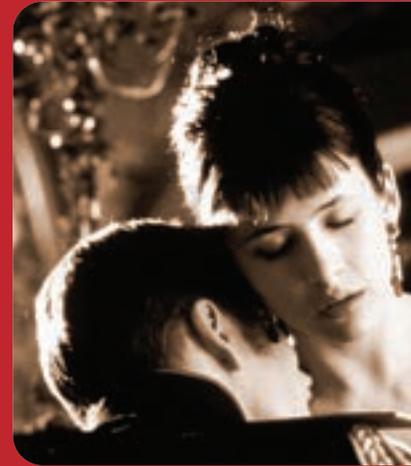
замечает те детали, которые раскрывают истинное положение вещей: Анна не заведует хозяйством, не заботится о дочери.

Анна вообще не хочет семьи, она не умеет быть Вронскому женой и матерью его ребенка, в сознании своем она остается любовницей Вронского. Это с болью и горьким недоумением видит и сам Вронский. Анна долго не соглашается искать у мужа развода. Когда Вронский пытается объяснить ей, что он хочет видеть своих детей законнорожденными, она холодно отвечает, что больше детей не будет. Они не нужны ей. Ей нужен только Вронский, он весь, чтобы он принадлежал ей до конца. И проблему деторождения, как сообщает Анна Долли, она решает именно с этой точки зрения: помогут ли ей новые дети удержать при себе Алексея? Почему-то (вопреки очевидному, много раз высказанному желанию Вронского) решив, что нет, не помогут, она решается на какой-то поступок, судя по реакции Долли, для XIX века не очень распространенный, — видимо, на предохранение от нежелательной для нее беременности (о чем Алексей, скорее всего, не подозревает, потому что настойчиво говорит о будущих детях).

Свою уже рожденную дочь, Ани, Каренина не любит, всё время сравнивая ее с первым ребенком, Сережей. В эту область своей жизни Анна не пускает Вронского: это заповедная зона, дорогое для нее чувство, которое он не сможет понять. Но этим ее постоянным воспоминанием о прошлом задается потаенное сравнение двух жизней Анны: семейной жизни с Карениным и псевдосемейной жизни с Вронским.

>> Анна вообще не хочет семьи, она не умеет быть Вронскому женой и матерью его ребенка, в сознании своем она остается любовницей Вронского. >>

Когда чувство к Вронскому уже овладело Анной, слова Каренина о том, что он любит ее, вызывают у нее отвращение и негодование. Многократно в различных формулировках

она твердит себе, что между ними никогда не было любви. Любви в том смысле, который в это слово вкладывает Анна, то есть всепоглощающей страсти, заставляющей забыть обо всем и на всё пойти, у Анны и Каренина действительно не было. А вот семья, как ни странно, была. А может быть, как раз не странно: страсть ли тот фундамент, на котором строят Дом? Судя по финальным отношениям Анны с Вронским, это не фундамент, а какая-то сейсмическая зона, на которой никакой дом не выстоит.

Семья Карениных появляется в романе в тот момент, когда, еще незаметно для обоих супругов, уже начинается ее разрушение. Но по отдельным штрихам и намекам мы можем воссоздать и слабые, и сильные места этого союза.

>> Любви в том смысле, который в это слово вкладывает Анна, то есть всепоглощающей страсти, заставляющей забыть обо всем и на всё пойти, у Анны и Каренина действительно не было. А вот семья, как ни странно, была. >>

Самым уязвимым местом их отношений является внешняя форма. Именно она в период отчуждения корбит Анну всё больше и больше — та неестественность, с которой они разговаривают между собой, как будто притворяясь кем-то, кем они не являются. Эту натянутость чувствует и Долли: «Ей не нравился самый дом их; что-то было фальшивое во всем складе их семейного быта».

>> Каренина жалко, как было бы нам жалко ребенка-инвалида, который, упираясь костылями, с трудом пытается наклониться к полевому цветку. >>

Но, как выясняется в критический момент семейной жизни Карениных, это не суть их отношений, а лишь неудачная форма, объяснение которой найти нетрудно в биографии Алексея Александровича. Он рос сиротой, не зная ни семейной ласки, ни дружеского участия. Каренин всю жизнь свою посвятил службе. К Анне до женитьбы он не испытывал никаких особенных чувств и, возможно, даже не сделал бы предложения, если бы на него не надавила сводившая их тетка Анны. Однако после объяснения, как пишет Толстой, Каренин «отдал невесте и жене всё то чувство, на которое был способен». И, как мог, говорил ей об этом: «Опять буду обещать не один, — продолжал Алексей Александрович уже не шуточным тоном. — Ты не поверишь, как я привык... И он, долго сжимая ей руку, с особенной улыбкой посадил ее в карету». Эти неловкие, неуклюжие попытки показать ей его привязанность трогательны и милительны; Каренина жалко, как было бы нам жалко ребенка-инвалида, который, упираясь костылями, с трудом пытается наклониться к полевому цветку. И лишь для охваченного страстью сердца Анны неумелые знаки внимания мужа принимают отвратительные и уродливые формы бездушия.

Отношения Карениных строились на взаимном уважении и внима-

тельности друг к другу. Это изменилось, как только Анна внутренне согласилась принять ухаживания Вронского. Переступив этот нравственный Рубикон, она словно потеряла способность заботиться о другом человеке.

И, потеряв эту способность, Анна не сумела или не захотела вернуть ее, даже соединившись с тем, кого полюбила. С Карениным до увлечения Вронским у нее были мягкие, ровные, уважительные, действительно семейные отношения, когда двое пытаются стать единым целым, живут переживаниями, радостями и горестями другого, — такие отношения, о которых мечтает Вронский, и от чего Анна надрывно и резко отказывается: «Уважение выдумали для того, чтобы скрывать пустое место, где должна быть любовь. А если ты не любишь меня, то лучше и честнее это сказать».

Почему Анна так изменилась? Это можно понять, только разобравшись, что произошло в ее душе в тот момент, когда она сделала выбор в пользу Вронского.

>> ...гражданский брак — чуждое понятие для России XIX века, потому что в нем нарушение нравственных законов становится явным, а свет еще лицемерит сам перед собой, показывая, что эти заповеди для него чего-то стоят. >>

Измена — одна из главных тем романа. С этого начинается роман: Стива Облонский изменил жене. Облонский в этом действует,

>> Еще до физической измены происходит измена мысленная... >>

как и многие знакомые ему люди. К этому лагерю до отношений с Анной принадлежит и Вронский: «В его петербургском мире все люди разделялись на два совершенно противоположные сорта. Один низший сорт: пошлые, глупые и, главное, смешные люди, которые веруют в то, что одному мужу надо жить с одною женой, с которою он обвенчан, что девушке надо быть невинною, женщине стыдливою, мужчине мужественным, воздержным и твердым, что надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги, — и разные тому подобные глупости. Это был сорт людей старомодных и смешных. Но был другой сорт людей, настоящих,.. в котором надо быть, главное, элегантным, красивым, великодушным, смелым, веселым, отдаваться всякой страсти не краснея и над всем остальным смеяться».

Связь Анны и Вронского показана Толстым и извне, и изнутри. В глазах света (той его части, которая благосклонно относится к «свободной» жизни) это сперва блестящий роман, которому можно только позавидовать. Перелом наступает, когда становится ясно, что для Вронского и Анны эти отношения — всерьез. Мать Вронского и его брат осуждают его за то, что это не «обыкновенная пошлая светская связь», что это не игрушка, что «эта женщина» для Алексея «дороже жизни». В момент, когда герои уже соединились, Вронский в разговоре с братом четко ставит акценты: это не любовное

приключение, он считает эту женщину своей женой. Свет, почувствовав это, отворачивается от них: он может принять семью, даже второбрачную (вот почему Бетси так настаивает на разводе Анны), может с понимающей улыбкой покрывать любовников, но гражданский брак — чуждое понятие для России XIX века, потому что в нем нарушение нравственных законов становится явным, а свет еще лицемерит сам перед собой, показывая, что эти заповеди для него чего-то стоят.

Взгляд на связь Анны и Вронского изнутри гораздо драматичнее. Толстой показывает сближение Карениной и Вронского как духовную борьбу Анны,

>> ...в критический момент своей жизни Анна инстинктом души понимает, Кому она изменила сейчас. >>

невидимую брань ее души, не осознанную до конца и ею самой.

Неоднократно Толстой говорит о присутствии «какой-то невидимой силы, которая помогала ей и поддерживала ее», когда Анна обманывала мужа, о «духе злобы и обмана», который владеет ею. И напротив, в тот момент, когда Анна пытается отказать Вронскому, тот поражается «новою, духовною красотой ее лица».

Но страсть в душе Анны побеждает, она принимает ухаживания Алексея. Еще до физической измены происходит измена мысленная: лежа рядом со спящим мужем, «она думала о другом, она видела его и чувствовала, как ее сердце при этой мысли наполнялось волнением и преступною

радостью... — Поздно, поздно, уж поздно, — прошептала она с улыбкой. Она долго лежала неподвижно с открытыми глазами, блеск которых, ей казалось, она сама в темноте видела».

Наконец, Анна изменяет мужу и в реальности. И вдруг оказывается, что в этот миг, которого они с Вронским так долго ждали, на самом деле совершилось нечто ужасное и непоправимое: они оба чувствуют, что переступили какую-то страшную границу, о существовании которой, видимо, даже и не подозревали. Этот поступок нарушил, сломал что-то важное и очень дорогое в их душах и их жизни. Вронский чувствует себя убийцей (с этого момента начала супружеской близости с чужой женой на него иногда будет находить «странное чувство» — «чувство омерзения к чему-то: к Алексею ли Александровичу, к себе ли, ко всему ли свету»). Анну же с этого дня начинает преследовать ночной кошмар, в котором оба мужа одновременно расточают ей свои ласки.

Каренина чувствует себя «столь преступною и виноватою», что может только просить прощения. «Боже мой! Прости меня!» — вырывается у нее. При этом Анна прижимает к себе руки Вронского, но эта мольба о пощаде обращена не «к нему», а «и к нему», как пишет Толстой. Значит, несмотря на свое внешнее равнодушие к религии, в критический момент своей жизни Анна инстинктом души понимает, Кому она изменила сейчас.

>> Евдокия Варакина

25 лет назад Слава с друзьями создали «Наутилус Помпилиус». И хотя позже группа распалась, а Вячеслав стал работать в других проектах, по сей день молодежь распевает его песни. Но даже те, кто очень хорошо знаком с творчеством «Нау», плохо представляют себе, сколь глубоко изменился внутренний мир Бутусова за эти годы.

Пельмени

>> **Насколько я понимаю, ты нашел свое место в Православии?**

Наверное, так можно сказать. Хотя, на мой взгляд, я всё-таки пока ищущу его: до сих пор не понял, имею ли я право говорить о некоторых вещах, не стесняясь. Вот, скажем, священство, монашество — для меня полная загадка. Я сколько у знакомых, которые ушли в монахи или священники, ни спрашивал, так и не понял, как это происходит. Никто мне не смог ответить на этот вопрос. Например, там есть возрастные ограничения?

>> Нет.

Нет?! То есть я могу стать священником?

>> Я тогда уже и пить не мог: в таком размазанном состоянии пребывал, что и алкоголь не помогал. >>

>> **По возрасту нет препятствий, чтобы стать священником. Монахом — посложнее, учитывая, что у тебя семья... А правда, что в вопросах веры Кинчев на тебя повлиял?**

Да, Костя повлиял решительным образом. Я был в полном отчаянии, в типичном упадническом настрое, при этом человеку моего возраста. Дескать, ничего не сделано хорошего, и дальше ничего хорошего не произойдет.

Словом, наступала духовная смерть в прямом смысле слова. Вдруг я увидел Костю и поразился. Я же его довольно давно знаю, видел, как этот человек себя ведет, как выглядит, как рассуждает. А тут передо мной сидел совершенно спокойный, уверенный человек. Меня это чрезвычайно потрясло! Я тогда уже и пить не мог: в таком размазанном состоянии пребывал, что и алкоголь не помогал.

Мы сидели у нас в гостях втроем: Костя, я и Юра Шевчук. Костя рубал пельмени, а рядом пил Юрий Юлианович. Кинчев в основном молчал, а когда говорил, был очень убедителен.

Костя пришел в тулупе ямщицком до полу. У него, как у Емели, прическа была прямая, будто топором обрубленная. Словом, сидит крепкий парень, и мы — два вялых существа. И вдруг я улавливаю в нем какую-то подмогу. Начал его понемножку о чем-то расспрашивать. И Костя, по сути дела, предкрестным участником оказался, будто он на чашу весов увесистую гирию положил. А дальше всё начало раскрываться постепенно.

>> **Что значит «раскрываться»?**

А вот крестила меня Анжелика. Оказалось, что перед венчанием нужно креститься. Так что она прямо на гастрольях, здесь в Москве, привела меня в храм. Это был Страстной Четверг, уйма народу, в основном бабушки, было жарко, а в храме просто душно. Я очень хорошо всё запомнил, потому что я

вдруг почувствовал, что мне плохо. Мне дурно стало! Я огляделся: бабушки стоят, причем стоят уже несколько часов. И мне вдруг странно стало: я-то почему умираю? Странно.

>> Я стал читать Библию и, когда начал вникать, вдруг обнаружил такой язык, от которого просто обалдел. >>

А потом я начал замечать, что у людей в церкви совершенно другие глаза, что у них иная манера поведения, разговора. Безо всяких экивоков, скрытостей, намеков, всё просто, ясно и понятно. И от этого чувствуешь легкость в общении с человеком, соответственно, и тебе легче открываться: не задумываешься о том, что ты испачкаешься в чем-то, нет боязни, что ты сделаешь что-то не то. А это и есть то облегчение, которое человеку дает наслаждение в общении. Тем более что я человек скрытный, склонный к уединению.

>> **Но при этом — абсолютно публичный.**

Да, публичный. Но публичность я расцениваю как испытание.

>> **Зная, что ты — человек православный, не могу удержаться от вопроса: а нет, глядя на Кинчева, искушения продолжить его стезю — петь песни с православным уклоном?**

У меня есть такие. Но это даже не искушение, я почувствовал внутреннюю потребность их написать. Просто у меня всё иначе. Костя как человек изначально более цельный, не растративший своей природной цельности по причине твердости характера и прочих человеческих

черт, делает это по-своему, прямолинейно и открыто. Мне необходимо действовать несколько иначе, и я это делаю — перерабатываю материал.

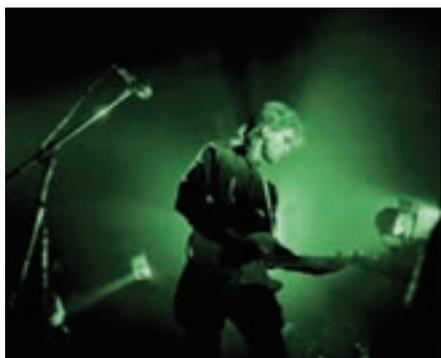
>> И ты можешь назвать конкретно «православную» песню?

Альбом «Имярек» целиком был написан по такому принципу. Я стал читать Библию и, когда начал вникать, вдруг обнаружил такой язык, от которого просто обалдел. У меня всегда было пристрастие к трансформации языка, а там содержатся такие вещи, до которых я бы никогда в жизни не додумался. Под огромным впечатлением выписывал из Евангелия, из молитвослова цитаты, которые для меня как для начинающего христианина казались фантастическими.

>> Если ты готов получить по полной программе — пожалуйста, будь высокомерным православным. >>

Я, с одной стороны, человек нетерпеливый, с другой — инертный. Я всё время хочу побыстрее очень важные ответы получить, понимая, что это невозможно. Так пришел к выводу, что пока для меня достаточно определиться с вопросом веры. Но иногда наступают моменты, когда я понимаю, что вера — это совершенно другая структура. Это и есть ощущение Бога.

>> А правда, что для тебя всегда приоритетом была семья?

Не всегда. Это в последние годы так стало. Я вдруг понял, что дом, семья — это обитель, прибежище. Я долгое время относился к семье как к компании, не требующей никаких обязательств друг

перед другом. Но я вдруг понял, что женщина и мужчина — это единое целое.

>> А тебе не кажется, что у современных девочек сильнее характеры, чем у мальчиков?

Сейчас Даниил третий год с нами живет, и я начинаю понимать, что есть еще мужские характеры, только их поискать надо. Человеку три года, а он всех нас выстроил, всех призвал к порядку — то, чего мы не могли годами друг с другом сделать.

>> А может, он скорее избалован?

Да больше похоже, что это мы избалованы, потому что он от нас требует элементарных вещей: порядок в доме чтобы был, а ничего лишнего не было, чтобы ребенок не схватил ножницы или ножик валяющийся. Получается, что мы за собой пока всё исправляем.

>> И есть разница в воспитании мальчика и девочки, или сказывается возраст, опыт?

Всё в комплекте, просто так ничего не бывает. Назревает время, когда ты становишься готовым. Я вдруг понял, что если бы со мной оказался такой человек, как Даниил, лет 10 назад, я бы не выдержал.

>> Бог посылает по силам?

Конечно. Потому что как родитель, как отец, я созрел только после рождения Софьи. До этого я пребывал в уверенности, что я — антисоциальный элемент, сам себе не принадлежу, как космический мусор витаю где-то... Я находился в состоянии перманентной

безответственности. А сейчас по-другому себя чувствую. Уже прошел ту стадию, когда кажется, что если как-то обосноваться, то лишишься свободы перемещений, еще чего-то там. Ничего подобного: наоборот, я оказался на другом уровне освоения пространства. Так что я очень благодарен Даниилу. А по идее, я сдерживаюсь, конфужусь сказать, как должно: я благодарен Всевышнему за всё.

>> Ты сказал, что ты высокомерный человек.

Да.

>> А как уживаются в тебе высокомерие и Православие?

Нормально. Если ты готов получить по полной программе — пожалуйста, будь высокомерным православным. Только ты должен себя до такого уровня совершенства развить, чтобы другим свои высокие требования предъявлять.

>> У нас были сомнения: дескать, какая там может быть работа, когда на улице жарница в 40 градусов, море рядом — все разбегутся, расплзутся. Но нет, всё прошло нормально. >>

Когда я как музыкант дошел до такого уровня развития, что получил возможность предъявлять свои высокие требования, меня потрясло, что уже не было необходимости никому никакие требования предъявлять. А православному человеку и нельзя никому никаких требований предъявлять. Надо разобраться в моей голове, там такой

бардак, что некогда отвлекаться. Ну и потом, я так понимаю, что, когда человек практикует себя в молитве, у него нет места для подобных мыслей.

Я вынужден мириться с моим высокомерием — эту болезнь я приобрел, пока в бессознательном состоянии находился, но я уже понял, что мне ее надо лечить.

«Богомол». «Этот альбом — на нашей совести»

>> В продаже появился альбом «Богомол». Первый альбом, который писался в Испании. Как выбор пал на Испанию? Зачем?

>> Профессионализм — это такая степень универсальности, когда ты можешь себе позволить и то, и се, и третье, и десятое. >>

У нас не так много заграничных записей. Но дело не в этом. Приоритет отдавался не географическому месту, мы хотели в горах где-нибудь записаться. Решили поискать студию в горной местности и нашли такую в Испании. У нас были сомнения: дескать, какая там может быть работа, когда на улице жарища в 40 градусов, море рядом — все разбегутся, расплзутся. Но нет, всё прошло нормально. Оказалось, что Casa Pablo — это совершенно безлюдная местность: лысые, практически без растительности, коричневые холмы, уходящие вдаль плантации и ни одного человека.

>> Почему же для написания этого альбома столь необходимы были горы?

Не знаю. Хотел на физическом уровне поддержать необыкновенное ощущение света. Уловить его и в себе удержать...

>> Поймал?

Да. Не так, как представлял, правда. Я-то нарисовал себе заснеженные

вершины высотой две тысячи метров, тишину. Но то, что я увидел, произвело еще большее впечатление. Тишина была гробовая. Всё получилось. По-другому, но получилось.

>> И в результате ты доволен альбомом?

Очень доволен. Я ведь в принципе от них уже ничего нового не жду, потому что, по большому счету, всё одно и то же... В нем нет экспериментальных откровений, мы в определенном смысле себя еще только совершенствуем, но совершенствование сегодня заключается в том, чтобы отбросить всё лишнее, вредное и бесполезное. Альбом получился очень доброкачественным, для нашего времени такой продукт — большая редкость. Мы в течение лет 15 не имели возможности сидеть и делать альбом до тех пор, пока всё не будет готово. Мы всегда жили в контрактных условиях, и всегда нам диктовали, когда это должно быть закончено. Теперь можно сказать, что этот альбом — на нашей совести. Мы преодолели рутинные обстоятельства, а результат получился качественный.

>> Рутинность... Так ведь «по чесноку» многие должны были бы объявить, что особой новизны в их альбомах нет, когда за спиной 20 лет «работы» рок-звездой.

Конечно, в каком-то смысле это уже конвейер. И иногда до такой степени конвейер, что самому неловко...

>> А разве — не профессионализм?

Нет. Для меня как для человека высокомерного профессионализм — это такая степень универсальности, когда ты можешь себе позволить и то, и се, и третье, и десятое. А процесс профессиональной жарки картошки быстро превращается в скучное, рутинное занятие.

>> Так, по-моему, вы все самоучки. Те, кого мы называем легендами... От вас исходила энергетика, был дух, а сейчас вроде и сделают всё грамотно, а проекты — пустые.

Собственно, я потому и втянулся в рок-музыку, она меня и привлекла тем, что в ней не было стандартов, штампов, никаких официальных обязательств... Просто ты должен сделать всё настолько убедительно, чтобы это отразилось в песнях...

>> Каждый человек должен развивать в себе самобытность. В этом и есть его ценность. >>

А энергетика-то нами приобретена была. Мы ее почерпнули, уловили и поэтому полны были ею. Я считаю, что каждый человек должен развивать в себе самобытность. В этом и есть его ценность.

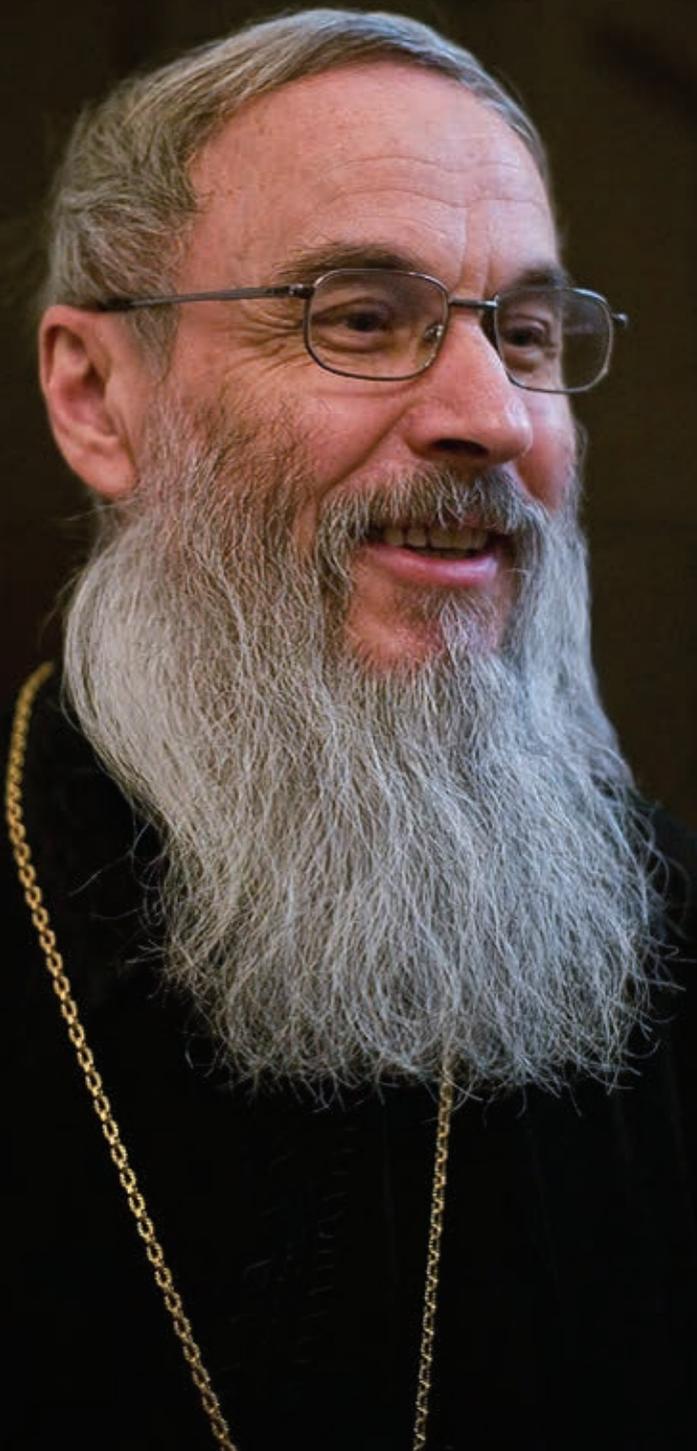
>> Беседовала Мария Свешникова

ПЕЧАТАЕТСЯ В СОКРАЩЕНИИ.

МАТЕРИАЛ ПРЕДОСТАВЛЕН ПРАВОСЛАВНЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ ПОРТАЛОМ «ПРАВОСЛАВИЕ И МИР» — WWW.PRAVMIR.RU

ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ МЯ, СТУДЕНТА

интервью со священником
Иоанном Макгакином

О ХРИСТЕ В АМЕРИКЕ СЛЫШАЛИ ОЧЕНЬ МНОГИЕ, НО МАЛО У КОГО ЕСТЬ РЕАЛЬНЫЙ МОЛИТВЕННЫЙ ОПЫТ. ПРОФЕССОР НЬЮ-ЙОРКСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СВЯЩЕННИК ИОАНН МАКГАКИН ПРИОБЩАЕТ СВОИХ СТУДЕНТОВ К ГЛУБИНАМ ДУХОВНОСТИ НЕОЖИДАННЫМ СПОСОБОМ: КАЖДУЮ СРЕДУ ОН ПРОВОДИТ ПОЛУЧАСОВУЮ СЛУЖБУ, СОСТОЯЩУЮ ТОЛЬКО ИЗ ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЫ.

>> Отец Иоанн, расскажите, пожалуйста, вкратце про свой вуз и ту работу, которую Вы в нем проводите.

В Колумбийском университете (Columbia University) 130 лет существовала кафедра церковной истории. Она была одной из многих подобных: там изучали византийскую филологию и военно-политическую историю, но богословия касались лишь мимоходом. Не так давно мне удалось найти спонсоров на 4 миллиона долларов и убедить ректорат преобразовать кафедру — и она стала первой (насколько я представляю) кафедрой в Америке по изучению ранне-христианского и византийского богословия. Вдобавок было решено, что помимо кафедры откроется еще и институт, основной задачей которого будет богословское изучение восточного христианства. Так появился институт «София», было обеспечено его финансирование, и даже удалось переписать устав университетской кафедры — те, кто останется после моего ухода (даже если они будут из других конфессий), должны будут продолжать изучение именно православной богословской мысли.

>> Важна эстетская внимательность к деталям: и богослужение, и лекция, и конференция — всё, что мы устраиваем как православные, должно быть человечно и прекрасно. >>

>> Рассматриваете ли Вы кафедру как некий плацдарм для православной миссии в университете?

Помимо Колумбийского университета я преподаю и в Объединенной богословской семинарии (Union Seminary). В общей сложности это 27 тысяч студентов, из которых примерно тысяча — православные. Как-то на Пасху я, стоя в алтаре кафедрального собора, подумал: «Глупо, что здесь служит так много священников, а там никого нет». И я открыл миссионерскую часовню в университете.

ВСЁ ДОЛЖНО БЫТЬ ЧЕЛОВЕЧНО И ПРЕКРАСНО

Я предложил собираться вместе для чего-нибудь очень простого, дабы избежать препирательств относительно старого и нового календарей и прочих обыденных различий между православными. При этом требования остаются высокими: здесь собрались интеллектуалы, они отлично

представляют разницу между добротной статьей и сделанной «тяп-ляп», поэтому моментально уловят разницу между сосредоточенной молитвой и небрежным чтением. Важна эстетская внимательность к деталям: и богослужение, и лекция, и конференция — всё, что мы устраиваем как православные, должно быть человечно и прекрасно.

Эти люди могут быть знатоками ядерной физики, но совсем новичками в духовной жизни, поэтому нужен кто-то с ясным видением — не обязательно священник, может быть, просто семинарист. Он и будет вести общину, он и предложит ей что-то очень-очень простое. Мой выбор пал на Иисусову молитву.

>> Такая молитва — быстрый и проверенный способ сплочения общины без привлечения множества певцов, свечей и книг. >>

>> Выбор довольно неожиданный. Что Вас к нему подвигло?

Мой духовный отец — владыка Серафим (Йоанта), архиепископ Румынской Православной Церкви, — практикующий исихаст. Когда он стал архиепископом, то построил монастырь с уставом Иисусовой молитвы. И владыка научил меня совершать службу так же, как у них: свет в храме приглушается, и иеромонах читает вслух: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного», — а все остальные молча внимают, делая эти слова своими собственными.

НЕ НУЖДАТЬСЯ НИ В СЛОВАХ, НИ В ОБРАЗАХ

Обычно, когда произносишь Иисусову молитву самостоятельно, стараешься связать слова и дыхание. Но для неопытных полезнее, когда молитву читает другой: он не дышит вместо тебя, но ведет твое сознание. Такая молитва — быстрый и проверенный способ сплочения общины без привлечения множества певцов, свечей и книг.

Я стал по средам совершать получасовую службу из Иисусовой молитвы. Думаю, что 30 минут — правильное время, оно кажется в меру долгим для начинающих. Иисусова молитва прекрасна тем, что если через пять минут твои мысли начали блуждать, ты снова можешь вернуть ум к словам. Но еще прекраснее, что она научает ум не нуждаться ни в словах, ни в образах. Вся наша жизнь проходит в том, что мы постоянно себя выражаем в словесных образах, а в те редкие моменты, когда замолкаем, откидываемся в кресло и говорим: «Я устал — посмотрю телевизор», или: «Я устал — немного подумаю», — и наш ум опять начинает производить многочисленные образы.

Способность быть вне слов и образов — это способность общаться с Богом. Наши идеи постоянно ограничивают Бога. Когда мы пытаемся понять Бога и создаем Его образ, то обнаруживаем, что укоренены в своих ущербных представлениях: мы думаем о Боге только как об Отце, или думаем о

>> Иисусова молитва, или умное делание — молитва, которая по-славянски звучит как «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Она подразумевает сосредоточение всех духовных сил на том, чтобы вместить в слова молитвы и постоянную память о Боге, и прошение о Главном, и предстояние за других людей и весь мир. Это древнейший по происхождению и фундаментальный по значимости вид духовно-аскетической практики. >>

жертве Христовой и чувствуем свою вину — образы могут быть хорошими, но они приносят с собой много постороннего. Вместо того, чтобы заниматься отсечением лишнего в каждом случае, авва Евагрий учит о безобразной молитве как о высшей форме молитвы. Наш ум и наши уста — как маленькие дети, и надо дать им игрушки — занять их перебиранием четок и чтением Иисусовой молитвы, чтобы можно было самому спокойно стоять перед Богом. И как акулы не могут остановиться — им надо плыть, чтобы дышать, — так и мы тоже не можем совсем остаться без слов и образов, но если мы достаточно замедлимся, если у нас будет *отáσις*, покой, то мы сможем увидеть вещи такими, какими их видит Сам Бог.

ЕДИНЕНИЕ В МОЛИТВЕ И ЕДИНЕНИЕ ЗА ТРАПЕЗОЙ

>> Отец Иоанн, расскажите, как именно проходит ваше богослужение?

Я почти полностью приглушаю свет, и перед большой иконой Христа зажигаю одну свечку. Студенты стоят, кто-то сидит на коленочках, кто-то — на полу или на стуле, а я предстою у иконы, и в течение получаса слышно только мое чтение Иисусовой молитвы. И после этого наступает полная тишина. Мы тихонько выходим из комнаты и идем пить кофе.

Если хочешь, чтобы студенты куда-нибудь пришли, — с тебя угощение. Достаточно будет кофе и печенья, но уже это создаст ощущение соборности.

>> Способность быть вне слов и образов — это способность общаться с Богом. Наши идеи постоянно ограничивают Бога. >>

>> Вы говорите о социальном служении? Какие варианты совместной деятельности можно предложить студентам?

Здесь, в среде обмирщенного христианства, Евангелие урезается до призывов к социальной активности — но так очень легко оторваться от корней и развалиться, если Литургия, богословие и дела милосердия не составляют единого целого.

СЛАБОЕ МЕСТО ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

То, что православные не так миссионерски и социально активны, как протестанты, — мне кажется, не беда. Главное, чтобы были два-три человека, у которых есть общее видение, которые будут вкладывать всю душу в общее дело. Одному это не под силу. Мы начинали вдвоем, теперь нас двадцать. Каждое воскресенье мы собираемся на Литургию, а на службу Иисусовой молитвы к нам присоединяется еще дюжина неправославных. При этом мне нет нужды всех организовывать: дела появляются сами собой, как цветы вырастают, — и для

>> Наш ум и наши уста — как маленькие дети, и надо дать им игрушки — занять их перебиранием четок и чтением Иисусовой молитвы, чтобы можно было самому спокойно стоять перед Богом. >>

каждой общины они свои. Кто-то будет устраивать конференции, кто-то — кормить бездомных.

>> Какое же служение Вы считаете наиболее важным в университетской общине?

Не забывайте, что интеллектуалов сильнеешие страдания поражают прямо в голову. Молодой человек из вполне обеспеченной и благоустроенной семьи совсем недавно считал себя «добрым богом на Земле», практически бессмертным — и вдруг его выдернули из привычной обстановки, он ощутил свое глубочайшее одиночество, мир оказался груб, первые устремления к любви натолкнулись на предательство...

В университете он всё подвергает переоценке: когда ньютонова физика превращается в теорию относительности, а гениальность писателей ставится под сомнение, то и детское представление о Боге тоже сильно перетряхивается. Окажется ли рядом человек, у которого можно научиться разумному, взрослому взгляду на Бога? Или студент будет притуплять свое религиозное чувство, презирая верующих и считая их узколобыми мракобесами? В момент такого выбора чрезвычайно важна роль университетского духовенства.

Мне кажется неоправданно забытым такое служение: «превратиться в слышание», полностью выслушать человека, не пытаясь ему что-то навязать. У студента должна быть возможность куда-то прийти, почувствовать себя в безопасности, поговорить с теми, у кого мир на душе. Мир нам дает молитва, она исцеляет раздробленность, возвращает нас самим себе — и окружающим. Поэтому время после нашей получасовой Иисусовой молитвы — идеальное для разговоров. Только тогда можно своему профессору задать такие вопросы, которые неуместны ни в аудитории, ни в коридоре.

Студенты приходят к нам в часовню — сначала как потре-

>> Если хочешь, чтобы студенты куда-нибудь пришли, — с тебя угощение. >>

бители, словно в религиозный магазин или как бы за «зачетом по религии» на неделю. Но потихоньку вливаются, осознают, что происходит вокруг, наступает определенная зрелость. А потом появляется и собственное видение — и они начинают предлагать: «Давайте будем кормить бездомных?» или: «Давайте будем посещать одиноких престарелых?»

«Отлично, начинайте! Бог в помощь!» — отвечаешь ты.

>> Беседовал Петр Королев, МДА

© Газета «Татьянин день» издается с 1995 года, интернет-портал **«Татьянин день» /www.TADAY.ru»** начал работу в 2006 году.

Главный редактор: Юлиана Годик, журфак МГУ

Ответственный секретарь: Мария Хорькова, филфак МГУ

Редакция: Ольга Богданова (журфак МГУ), Даниил Сидоров (журфак МГУ), Лидия Голяева (журфак МГУ), Наталья Гурова (журфак МГУ), Александра Кисель (журфак МГУ), Марина Селиверстова (журфак МГУ), Мария Тасалова (истфак МГУ), Екатерина Ким (истфак МГУ), Любовь Макарова (филфак МГУ), Александра Сопова (филфак МГУ), Евдокия Варакина (филфак МГУ), Екатерина Верещагина (филфак МГУ), Алексей Шиханцов (филфак МГУ), Галина Смирнова

Фотограф: Александр Болмасов. В номере также использованы фотографии Фрэнка Доббса, Юлии Руденко, Светланы Карташевской, Наталии Митюшевой и фото из архивов Тутты Ларсен и интернет-портала «Татьянин день»

Корректор: Александра Сопова (филфак МГУ)

Макет и верстка: Светлана Карташевская (геофак МГУ)

Мы благодарим всех жертвователей и благотворителей за помощь в создании печатной версии «Татьянинного дня»

Газета зарегистрирована в Министерстве печати РФ, свидетельство о регистрации № 013 825 от 23 июня 1995 года.

Редакция приглашает к сотрудничеству корреспондентов, фотокорреспондентов, авторов эссе и рецензий.

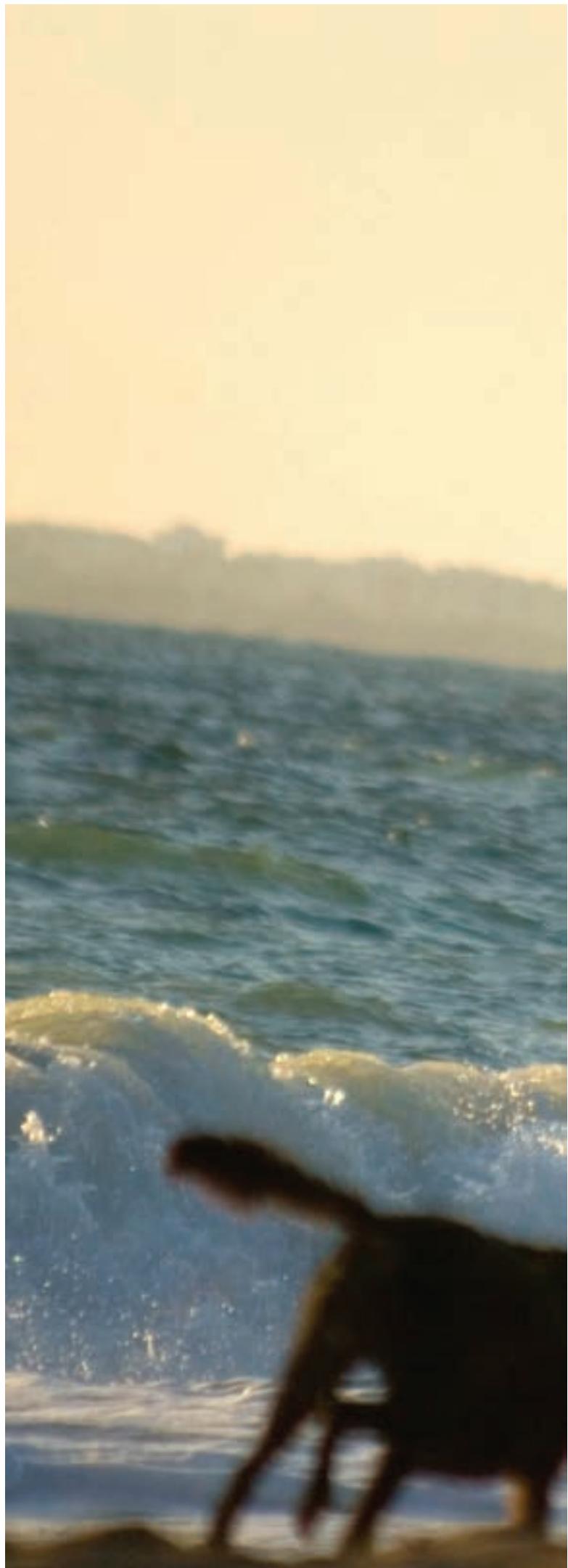
Пишите, звоните, приходите!

При перепечатке ссылка на «Татьянин день» обязательна. Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов публикаций.

Отпечатано: ООО «Богородский Полиграфкомбинат», тел.: (495) 783 93 66

Тираж номера 3000 экз.

Адрес редакции: ул. Б. Никитская, дом 1; тел./факс: (495) 629 60 67, www.taday.ru e-mail: godik@taday.ru (Юлиана Годик), mkhorkov@gmail.com (Мария Хорькова)

www.taday.ru >>
Москва 2008